

СИРИУС

ПРЕДСТОЯНИЕ

книга 2

Сергей Архипов

Сергей Архипов

Сириус. Книга 2. Предстояние

«Литео»

Архипов С. А.

Сириус. Книга 2. Предстояние / С. А. Архипов — «Литео»,

ISBN 978-5-00-071804-9

Вторая книга трилогии «Сириус» повествует уже о следующем этапе жизни главных героев Ольги и Сергея, которые никак не могли ожидать, что их жизнь кардинально изменится и проведет через все круги ада рушащейся на глазах советской империи. Его — через весь кошмар неуставных армейских отношений в пылающий огнем Афганистан. Ее — в Прибалтику, где стремительно нарастали национальные страсти, и ломалась мечта всей жизни. Большинство героев романа — образы собирательные, выдуманные, а события вымышленные и если кто-то узнает себя в этих персонажах, то это будет лишь случайным совпадением.

ISBN 978-5-00-071804-9

© Архипов С. А.

© Литео

Содержание

1	6
2	12
3	21
4	29
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Александрович Архипов

Сириус Книга 2 Предстояние роман

*Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.*

Сергей Есенин

1

Вечерело. С Волги дул приятный прохладный ветерок, насыщенный влагой. Ковер прибрежной травы волновался под его легкими порывами, а падающие лучи заходящего солнца создавали впечатление, что тут живое существо, которое безмятежно нежится на мелководье. Оно словно изгибало спину в такт набегаящим на него волнам и звучало шелестом травы и плеском воды. В этом месте река делала крутой поворот, постепенно размывая своим течением высокие берега. Особенно пострадал правый берег, который местами далеко навис над рекой и грозил в нее обрушиться, но реке это было безразлично – она величаво и безмятежно несла свои воды.

Сергей любил это время дня. Он часто приходил сюда и сидел на берегу, мечтательно слушая звуки природы. Раньше он не замечал в себе лирического настроения или просто не обращал на это никакого внимания, а теперь он был не прочь остаться в одиночестве и поразмышлять о смысле жизни и бытия. Такую большую реку он увидел только здесь и впервые. Она каждый раз завораживала его, когда он приходил сюда любоваться ее течением. Вот и сейчас он сидел почти у самой воды, спустившись с крутого берега. Военная форма подчеркивала его стройную крепкую фигуру. Рядом лежали кирзовые сапоги, а поверх их сушились портянки. Сергей, опустив ноги в воду, мечтательно поднял голову. Он любил предоставлять свое лицо солнечным лучам. Их тепло напоминало ему о множестве приятных вещей.

Военный учебный центр, где Сергей обучался на радиотелеграфиста, располагался в большом гарнизоне на краю небольшого, но красивого городка, где дислоцировались несколько воинских частей различных родов войск. За городом располагался огромный военный аэродром, который усиленно охранялся, как сверхсекретный объект. В гарнизоне находились и летные подразделения, именуемые «летуны», и строительный батальон – стройбат или «солдаты лопаты», и автомобильная часть – автобат или «ездуны», и даже военная прокуратура – «чернушка» с «красными петухами».

Часть, в которой служил Сергей, относилась к радиотехническим войскам. Здесь были подразделения противовоздушной обороны со своими радиолокационными станциями – «глазуны» и радисты, к которым относился Сергей – «стукачи». Сергей, попав на службу, испытал шок от армейской действительности. Воспитанный на патриотической программе «Служу Советскому Союзу», он никак не мог представить, что его может ожидать. Поэтому первая встреча с воинской службой была совсем безрадостной. Их прямо с поезда привезли в расположение части, в которой они должны были проходить курс молодого бойца, называемый почему-то врачебным словом «карантин», и принимать присягу. Вечером в расположении учебного взвода, куда они были определены, их встретили весьма неприятные личности. Как выяснилось позже, это были «дембеля», почему-то все поголовно обритые наголо. Их единственным приветствием было:

– Вешайтесь, салабоны. У вас впереди два года или семьсот двадцать дней, а мы завтра домой!

Это напутствие тогда вконец испортило всем настроение, которое и так было подавленное. Восемнадцатилетние ребята, в большинстве своем из сельской местности, которых насильно оторвали от дома и поместили в чужеродную среду, пребывали в стрессе. Вся окружающая обстановка была какой-то недоброй, неудобной и совсем не похожей на привычную домашнюю обстановку. Еще эти слухи о предстоящей «дедовщине», то бишь неуставных отношениях, будоражили всем воображение. Сергей, считавший себя человеком неробкого десятка, и то тогда основательно испугался. Эти невеселые мысли о предстоящих семистах двадцати днях навечно врезались в память и отравляли спокойное течение жизни, но люди, как оказалось, привыкают ко всему. Присягу они приняли уже практически влившись

в армейский распорядок. Только остались воспоминания об изматывающем холоде. Май в средней полосе России тогда выдавался очень холодный, а в частях уже перешли на летнюю форму одежды. Вот они и стояли в строю, стараясь не стучать зубами, в одном хлопчатобумажном обмундировании, мечтая только об одном – быстрее согреться и плотнее поесть.

Сергей запомнил приступы изматывающей изжоги, которая появлялась вечерами, уже в кровати. Она словно огнем заполняла все внутренности, не давая спокойно спать. Организм очень тяжело привыкал к армейской пище, которая ни в какое сравнение не шла с домашней. Подружиться ребята друг с другом практически не успели, и после присяги их распределили по разным частям.

Сергею повезло.

Командир роты затеял прослушивание, и тут вдруг выяснилось, что этот самый слух у Сергея есть, так что он попал в учебку. Это означало, что еще как минимум полгода он будет служить только с ребятами своего призыва. Полгода в армии – это огромный срок. Армейский срок всегда пытались сравнивать с тюремным сроком. Находили много сходства в порядках, в изолированности от внешнего мира, в значимости местных авторитетов, но это все было не то. Армия всегда отличалась от тюрьмы. В ней была своя изюминка, свой шарм. Это был свой, не идущий ни в какое сравнение, корабль с командой умалишенных. В учебке, куда попал Сергей, было не так-то легко, как казалось в начале. Ему никак не давалась азбука Морзе, но он с упорством старался ее освоить.

Еще немного поболтав ногами в воде, Сергей взглянул на часы и начал собираться. До вечерней проверки осталось совсем немного времени, а тут он находился практически в самоволке. Быстро добежав до забора, он пролез сквозь разорванное колючее ограждение и оказался на территории части. Его, как всегда, никто не заметил, и он спокойно вернулся в расположение своего учебного взвода. Курилка, которая располагалась рядом с входом в казарму, была наполнена солдатами, которые обсуждали последнюю новость – опять из их взвода выделяли наряд на кухню, на чистку ненавистной картошки. Появившийся неожиданно сержант Фурсанов быстро уgomонил всех и приказал строиться в казарме для проверки.

Сам сержант был по отцу узбек, а по матери русский, но черты лица были у него как у настоящего узбека. Хотя Советский Союз был многонациональной страной, в армии представителей Средней Азии не любили. Они, попадая на службу, старательно изображали из себя полных идиотов. Это выражалось в том, что на первом году службы они утверждали, мол, моя твоя не понимает, а на втором году – что по сроку службы ничего делать не положено. Конечно, были и исключения из правил. Среди них попадались и нормальные мужики, к которым и относил себя сержант. Он очень комплексовал по поводу своей национальности и из-за этого старался быть строгим и злым. Это у него получалось хорошо. Его боялись и не любили как командира, но уважали как человека и за глаза называли «узбеком».

Вот и сейчас, вальяжно прохаживаясь перед шеренгой солдат, он вглядывался в каждое лицо, называл фамилии тех, кто пойдет сегодня на кухню. Всего набралось восемь человек. В их число попал и Сергей, которого это не очень обрадовало. Этот наряд был сущим кошмаром для них, потому что требовалось перечистить картофель на весь огромный гарнизон.

Нехотя собравшись, они обреченно отправились в столовую. Там их уже ждали.

Тощий, как циркуль, прапорщик, появившись в дверях кухни, заорал:

– Что вы тащитесь, как беременные коровы. Давайте быстрее за работу.

Сергей первым зашел в моечную комнату и опешил. Неприлично мелким картофелем были наполнены три большие чугунные ванны и еще насыпана гора в углу комнаты, прямо на полу, а вокруг колыхался плотный темный ковер из тараканов. От них исходил тошнотворный запах.

– Я такого еще не видел, и вонь эту не забуду никогда! – возмутился Николай Бубнов. – А картофель какой? У нас под Саратовом таким даже свиней не кормят.

– Что столпились, собачьи фекалии! – снова заорал внезапно появившийся прапорщик. – Насекомых не видели?

С этими словами он достал из-за пазухи газету «Звезда». Чиркнув спичкой об коробок, поджег ее и начал водить этим огненным факелом из стороны в сторону прямо над тараканами. Те с неприятным шелестом начали растекаться по углам и щелям. С гордым видом прапорщик бросил остатки догорающей газеты в угол и провозгласил:

– Вот так и воюет советский народ с ордами иноземных захватчиков, а вы, верблюжьи горбы, берите ножички в руки и за работу. Утром это должно быть все подготовлено к варке.

Прапорщик исчез так же неожиданно, как и появился. Ребята обреченно смотрели на эту гору картофеля, понимая, что работать им сегодня до самой поздней ночи, но это, как оказалось, еще цветочки. Не успели они приступить к работе, как набегали старослужащие работники кухни и расхватили почти всех ребят для своих дел. Перечить им никто не осмелился, Сергей и Николай Бубнов остались одни перед огромной грудой картофеля, воняющей тараканами, и приступили к работе.

Через два часа вернулись уставшие ребята.

– Вот козлы, припахали по полной программе, – возмущенно начал вошедший одним из последних Витька Соловьев, со злостью пихая картофель. – По-моему, мы сделали всю грязную кухонную работу за них.

– Ладно, Витек не расстраивайся. Хорошо еще, не так поздно вернулись, а то нам еще здесь пахать и пахать, – сказал Сергей, продолжая чистить картофелину.

– Это верно, Серега, ты подметил, что мы не поздно вернулись, – пробасил добряк Василий Зуев.

С виду он был неприступная крепость, имел грозный внушительный вид, а по жизни был обычным простым парнем, мухи не обидит. Он не блистал умом, обладал покладистым характером, и дружить с ним было одно удовольствие. Немного помедлив, он продолжил:

– Встретил я сейчас своего земляка. Он, как и я, из Липецка и нашего призыва, только служит в стройбате. Вы бы видели его лицо. На нем даже кровинки нет. Бледный, словно сама смерть. Им старослужащие задание на ночь выдали. Нужно было сделать так, чтобы к утру вокруг их кроватей цветочный сад вырос. Если сада к утру не будет, то их всех молодых под пресс пустят.

– Не понял, – удивился Николай.

– А как могут за ночь цветы расцвести?

– А ты сам не догадываешься?

– Да что-то ничего на ум не приходит.

– Не придет, как ни старайся. Они за ночь создадут его из бумаги. Вырежут, раскроют и наклеят.

– Дурдом!

– У них да, а у нас пока еще нет. Это нас ждет после учебы, когда нас распределят по боевым частям.

– Ладно, поживем – увидим, – прервал их разговор Сергей. – Говорят же, кто в армии служил, тот в цирке не смеется.

Договорить он не успел. В комнату влетел очередной работник кухни, маленького роста, по национальности кореец, и заорал:

– Это кто, интересно мне, в цирке не смеется?

– Ну я! – с вызовом ответил Сергей и поднялся.

– Вот, значит, ты, – тягуче протянул он и оценивающе окинул взглядом Сергея, а потом, посмотрев на всех и указав пальцем на Николая, добавил: – И ты! Пойдете со мной.

Сергей промолчал, пожав плечами, и они двинулись в раздаточную комнату. Там кореец подготовил им подносы с едой, заставил надеть белые фартуки, на руку повесил белые вафельные полотенца и провел инструктаж:

– Прежде, чем войти в комнату, постучитесь. Когда получите добро, войдете и поклонитесь со словами «разрешите войти, господа». После этого разложите еду на столе, а далее выполняйте то, что вам прикажут.

– Не понял, а кто там будет и при чем здесь господа? Мы что, в Белой армии служим? – удивленно спросил Сергей.

– Ты много говоришь, русский. Узнаешь все в свое время, а сейчас быстро берите подносы и за мной.

Кореец пристально посмотрел на него и, покачав головой, пошел по коридору. Сергею показалось, что тот совсем не так прост, как кажется с виду. Он взял поднос с большой кастрюлей, от которой исходил восхитительный аромат и отправился за ним по лабиринтам кухонного заведения. За ним последовал Николай, держа в руках второй поднос со столовыми принадлежностями, с хлебом и овощами. Сергея эта ситуация уже начала бесить. Он был уверен, что они несут еду офицерам или прапорщикам, но слово «господа» сбивало его с толку. Хотя по рассказам тех, кто уже отслужил, в армии можно увидеть много различных странностей и курьезов.

У массивной, обшитой дерматином двери они остановились. Кореец подмигнул, указал на дверь и невозмутимо отошел в сторону. Сергей постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату. За ним боком втиснулся Николай. Открывшаяся их взорам картина шокировала. Они от удивления потеряли дар речи. Офицерами и прапорщиками здесь явно не пахло.

За большим столом, вальяжно развалившись в мягких креслах, сидели шестеро таджиков поваров в своих национальных халатах и тюбетейках и явно курили какую-то гадость. Сергей был наслышан, что азиаты курят марихуану, но никогда не видел ее в глаза. От наполнившего комнату сладковатого дыма закружилась голова. У него промелькнуло ощущение, что он попал в банду басмачей из лихих двадцатых годов, когда шла Гражданская война.

Утробный с невообразимым акцентом бас самого здорового из них вывел его из оцепенения:

– Чурки, ви что, русска речь забили?

У Сергея от этих слов словно что-то переклинило в мозгу. Осознавая, что только что сказал ему этот жирный боров, он медленно подошел к столу, аккуратно поставил поднос с кастрюлей на стол, снял фартук и тягуче, словно напевая, произнес:

– Вы сами тут все чурки черножопые!

Николай от страха неожиданно наклонил поднос, содержимое которого с грохотом разлетелось в разные стороны. Таджики вскочили, возмущенно ругаясь на своем языке, и кинулись на Сергея с разных сторон. Одного он с невероятной силой ударил кулаком в глаз, тот покатился под стол, опрокидывая по пути кресло. Другой, высокий и мускулистый, подскочил сбоку, размахивая длинными руками. Внезапно прогнувшись, Сергей уклонился от удара, крепко обхватил и швырнул противника на остальных наступающих таджиков. Те повалились на пол, истошно ругаясь. Один из упавших вцепился ему в ногу, а еще один повис на левой руке. Сильным ударом в челюсть он скинул висящего на руке, а уцепившегося за ногу поволок по полу в сторону выхода, стараясь стряхнуть его с себя, но тот вцепился мертвой хваткой. Сергей вырвал из рук онемевшего Николая поднос и два раза ударил им по голове таджика, освободил ногу. Вытолкав Николая из комнаты, он сразу выскочил за ним. Кореец все так же невозмутимо стоял у противоположной стены, в его глазах были недоумение и интерес. Сергею показалось, что его изучают, но кореец всего лишь указал на темный коридор, по которому они пришли.

Недолго думая, они бросились прочь.

Сергей постарался спокойно войти в комнату, где работали ребята, но за ним шумно ввалился Николай с безумными глазами, почти толкая его в спину.

– Что случилось? – спросил опешивший Василий.

– Да ничего, – отмахнулся Сергей и, сев на свое место, взял в руки нож, принялся машинально чистить картофель.

Его примеру последовал и Николай, тревожно бросая взгляды на дверной проем, и упорно молчал.

– Я не понял, что произошло? – продолжил Витька Соловьев, не выдержав их молчания, но договорить он не успел.

В коридоре раздался громкий топот, и к ним в помещение ввалилась толпа мокрых от пота таджиков. Вид их был устрашающий, а глаза полыхали мстительным огнем.

– Тебе конец, сын шакала! – прошипел один из них совершенно без акцента.

Испепеляющим взглядом посмотрев на Сергея, он двинулся в его сторону.

Ребята от такого неожиданного для них поворота событий и неуставного вида таджиков, которые внезапно свалились на их голову, изрядно испугались. Кожа Николая вдруг как-то сразу изменила окраску, и он стал похож на живого мертвеца. Вася начал что-то нелепо бормотать. Сергей, оценивая сложившуюся обстановку, понял, что путей отступления нет и нужно идти до конца. Он резко вскочил, сосредоточился и стремительно переместился за спину наступающего таджика. Схватив его одной рукой за кадык и сильно сжав, он моментально развернул таджика лицом к двери и приставил нож, продолжавший находиться в другой руке, к его оголившемуся, заросшему, как у обезьяны, волосами животу. Животный крик страха так и застрял в сжатом железной хваткой горле. Сергей медленно, только слегка нажимая на рукоятку, провел ножом по животу и безжизненным голосом произнес, словно выстрелил:

– Сначала выпущу внутренности ему, а потом буду вспарывать каждого из вас, как свиней, пока не умру!

Этот голос, прозвучавший как будто из неживого потустороннего мира, потряс и ввел в тихий ужас противников, которые, выпучив от страха глаза, стали пятиться назад к двери.

Тот, которого продолжал удерживать Сергей, внезапно обмочился.

Пришлось его отпустить и брезгливо оттолкнуть подальше от себя. Тот с нечеловеческими причитаниями бросился бежать, расталкивая на ходу своих товарищей, которые тоже поспешили убратсья, стараясь сохранить остатки устрашающих взглядов на лице.

Только через некоторое время, когда они скрылись в коридоре, издали раздалось злое:

– Теперь тебе конец!

Ребята были шокированы даже больше, чем таджики, и, изредка бросая на Сергея многозначительные взгляды, молча его поддерживали.

Работу закончили только ближе к утру. Все сонные и измученные вечерней встряской устало побрели в расположение роты. Их провожало веселое пение соловьев. Сергей еще нигде не слышал таких чудесных трелей, но сейчас ему было не до этого.

Дневальный стоял на посту и откровенно зевал. При их появлении он сразу выпрямился, но как только увидел, что это не проверяющий, расслабился и сказал:

– Узбек передал, что можете спать до обеда!

В глубокой тишине они разбрелись по своим спальным местам. Сергей разделся и аккуратно сложил форменную одежду. Утро стремительно приближалось и освещало темные углы казармы. Кривые тени, падающие от ровных рядов двухъярусных металлических кроватей и приводимые в движение наступающим рассветом, медленно ползли по стене. На душе у него было противно. Ощущение, что его ожидают неприятности, отозвалось болью под лопаткой. Он знал, что поступил неправильно, возможно, надо было сдержаться, но

таков уж был его характер – Сергей не терпел унижений. Все вокруг вдруг сделалось каким-то чужим и нереальным. От этой пронзительной тоски, охватившей его, он вспомнил Олю и безумно захотел ее увидеть. Он вспомнил ее глаза, губы, волосы, ее прикосновения, ее запах. Он присел на кровать и, прикрыв глаза, мысленно ощутил ее присутствие. От этой придуманной близости ему стало легче. Сон мгновенно улетучился. Сергей достал последнее Ол

и н о п и с ь м о и с н о в а н а ч а л е г о ж а д н о п е р е ч и т ы в а т ь .

«Милый мой, любимый Сереженька!

Прочла твое последнее письмо и была безумно рада. Я же люблю тебя больше жизни. Милый мой Сережка, ты даже не представляешь, сколько раз за одну ночь ты можешь присниться мне. Я не могу ощущать твое физическое присутствие, так хоть встречаюсь с тобой во сне. Любимый мой, говорят, что если человек часто снится, то это к скорой встрече. Я постоянно и с нетерпением жду этого дня. Сереженька, я никогда не забуду твои голубые нежные глазки, аккуратненький ротик и сахарные губки. Милый, ненаглядный, единственный, я постоянно вспоминаю наши встречи, разговоры. Мне было очень хорошо с тобой, и я хочу, чтобы это продолжалось вечно. Я обожаю тебя, Сереженька, и своим девчонкам, с которыми учусь, рассказываю о том, какой ты у меня хороший, добрый, порядочный и веселый. Они даже завидуют мне. От твоих писем они падают в обморок. Сереженька, я очень устаю на учебе, но терплю, вспоминая тебя. Ведь ты всегда поддерживал меня. Любимый мой, зайчика, как здесь тебя не хватает. Не хватает твоей любви, твоих ласковых слов и твоих советов. Теперь я всегда буду тебя слушаться, ведь мы же так близки друг другу. Даже, наверное, муж с женой так духовно не сближены, как мы с тобой. Я все-таки эгоистка: все о своих чувствах, о себе, а тебе, вероятно, на службе сейчас очень тяжело, но ты у меня сильный человек! Тебе все трудности по плечу! Родной мой, напиши, как проходит твоя служба? Чем ты занимаешься? Мне интересно все, что происходит с тобой. Твои письма, как литературные произведения, которыми зачитываешься, не замечая прошедшего времени. Из них я еще больше осознаю, что в тебе много безграничного тепла, а душа и сердце у тебя не просто прекрасны, они безумно красивы. За все это я тебя обожаю и никогда, запомни, никогда с моей стороны не последует измены...»

Сергей слипающимися глазами смотрел на то, как строчки Олиного письма теряли четкие очертания. Он засыпал.

Ему сразу приснился жуткий сон, в котором он был на войне, почему-то в дедовой гимнастерке, в которой погибший дед был изображен на фотокарточке, сделанной в 1941 году. Вокруг были горы, а его подразделение никак не могло занять укрепрайон. Он сам лежал, вжавшись в каменистую почву, за тушей раненой лошади, которая мучительно агонизировала. Невиданный ранее ужас и парализующий страх поселились в теле, не давая дышать. На лбу выступали бисеринки ледяного пота. Их обстреливали фашисты. Особенно старался один человек. Он вел огонь только по Сергею, и его пули попадали в лошадь, за которой он укрылся. Лошадь, постоянно извиваясь от разрывающих ее плоть пуль, толкала его своим телом все сильнее и сильнее и почему-то не торопилась умирать. Она издавала такие пронзительные вопли, что волосы на голове вставали дыбом. Сергей, преодолевая страх и рискуя быть убитым, весь обрызганный темной липкой кровью животного, пытался рассмотреть человека, который в него стреляет. Что-то до жути знакомое почудилось ему в чертах противника. Сергей почти догадался, кто это, но рассмотреть его не удалось. Внезапно на горном склоне появился его дед, одетый в такую же, что и он, военную гимнастерку, строго покачал головой, давая понять, что не все в этой жизни можно узнать. Сергей никогда не видел своего деда так ясно, словно живого, а его жесты успокоили внука.

Он, перестав беспокойно ворочаться на кровати, крепко заснул.

2

Разбудил его сумасшедший крик дневального:

– Наряд, подъем! Строиться!

Сергей по выработанной до автоматизма привычке вскочил и начал быстро одеваться.

Солнце уже залило светом всю казарму.

Вываться из сна было очень тяжело, но он и ребята уже строились в ровную шеренгу, на ходу застегивая солдатские ремни и осознавая, что выспаться сегодня уже не удастся. Командир учебного взвода майор Кукишев Геннадий Степанович, широко расставив ноги, стоял напротив них и кричал:

– Вы что, товарищи курсанты, совсем нух потеряли? Обнаглели до того, что нагло спите днем? Вам что, служба медом показалась?

Орать так он мог очень долго в воспитательных целях, поэтому возразить ему, а тем более оправдаться, никто не решился. Все понимали, что он знает истинную причину дневного сна, но у майора был мерзкий характер. Его раздражало все, что нарушало привычное течение армейского распорядка. Он гордился тем, что лично ему было доверено воспитание и обучение молодых солдат. На их просьбы, пожелания, переживания ему было наплевать. Солдат для него существовал как пешка на огромной шахматной доске. Самым главным в их жизни должно быть беспрекословное соблюдение устава.

Поговаривали, что у него совсем не ладится личная жизнь. Его старшая дочь вышла замуж за негра и уехала с ним в какую-то африканскую страну. За это он получил прозвище Крокодил. Его жена Эльвира Павловна работала директором гостиницы, которая находилась здесь же, при гарнизоне, в военном городке. Ходили слухи, что она смертным боем избивает своего мужа за то, что он не продвигается по служебной лестнице, и также имеет чрезмерный интерес ко всем солдатам мужского пола. Муж не обращал на это абсолютно никакого внимания и все имеющееся свободное время старался посвящать службе.

Кричал он до тех пор, пока в казарму не зашел сержант Фурсунов. Увидев его, майор прищурил глаза и сказал:

– Товарищ сержант, что здесь за дисциплина? Я приказываю всю эту команду на плац и целый день заниматься с ними строевой подготовкой.

– Так точно, товарищ майор! – отрапортовал сержант, а про себя прошептал: – Кукиш тебе с маслом.

Майор обошел казарму, придирчиво осматривая все ее уголки. Сержант неотступно следовал за ним, всем своим видом выражая почтение. Он изредка бросал взгляд на шеренгу ребят, которые под его взглядом вытягивались и старались не шевелиться. Майор был тертый вояка и отлично понимал, что его приказание не будет выполнено. Фурсунов ему не нравился. Он казался майору склизким червяком, с которым противно иметь дела. Но что-либо тут изменить было не в его силах, потому что сержант в роте был пока один. Другого сержанта, по национальности украинца, пришлось за самоволки перевести в боевую часть. Сержантом тот был от бога и радиодело знал идеально, но дисциплина у него хромала. Ой как хромала, а дисциплина – это самое главное в жизнедеятельности армейского организма. Майор, выждав некоторое время, произнес:

– Со дня на день пришлют младшего сержанта тебе в помощь. Я надеюсь, что дисциплина во вверенном вам взводе улучшится.

– Так точно! – выпалил Фурсунов, слегка озадаченный этой новостью.

От майора не ускользнуло, какие чувства обуяли подчиненного. Он знал, что это подстегнет его. Этот узбек любит главенствовать, любит дух соревнования, появление другого

сержанта будет ему полезно. Больше начальство здесь ничто не держало, и майор вышел из расположения роты.

Сержант еще некоторое время, серьезно задумавшись, стоял перед шеренгой ребят. Потом словно очнувшись, пронизывающе посмотрел на Сергея и скомандовал:

– Вольно! Воронцов, за мной!

Сергей последовал за ним в каптерку, которая располагалась недалеко от поста дневального. Каптерка была для солдата чем-то вроде золотоносной жилы для золотоискателя. Здесь находились закрома подразделения. Все от обмундирования до спальных принадлежностей было аккуратно разложено по полкам. Сержант явно был зол и некоторое время, как показалось Сергею, подбирал нужные слова.

– Что мне прикажешь теперь делать с тобой после вчерашней выходки, а, Воронцов? – стараясь быть спокойным, спросил сержант.

– Да я... – неуверенно начал Сергей, но сержант его перебил:

– Что ты мямлишь? Мне из-за тебя всю плешь сегодня проели. Ты обидел уважаемых людей. Интересно, если бы и я там был, то ты сделал бы то же самое?

– Безусловно! – решительно ответил тот.

Сержант прищурился, наклонил голову и пристально посмотрел на Сергея, который даже не постарался отвести взгляда. От этого взгляда сержанту стало не по себе. Ему на ум внезапно пришло, что Воронцов очень крепкий орешек и сломать его будет нереально. Кореец, как всегда, был прав. За его внешней податливостью скрывалось истинное лицо, которое никак не удавалось рассмотреть. Сержанту поручили нелегкую миссию по доведению до Воронцова решения сегодняшнего сбора. Он сам был, как ему казалось не трусом, но сегодня ему было немного жутковато. За этими таджиками, которых унижил Воронцов, кто-то стоял, а кто, сержант не знал и знать не желал. Воронцов по своей дурости влип в это дерьмо, которое теперь необходимо было разгребать. Столько подняли шума из-за какой-то ерунды, а закончиться все может не в пользу сержанта. Курсант – его подчиненный и отвечать за него придется самому.

– Так вот, Воронцов, тебе придется выкручиваться. Тебе еще служить и служить, а от этого будет зависеть твоя дальнейшая служба. Ты, вероятно, слышал, что иногда солдаты не становятся старослужащими, а бывают до дембеля обтиркой для сапог, – издали начал сержант.

– Знаю! Давай, товарищ сержант, конкретно выкладывай какую информацию нужно до меня донести? – перебил его Сергей, уже начинающий раздражаться.

От такой фамильярности сержант опешил, но, стараясь быть невозмутимым, продолжил:

– Конкретно, значит, конкретно. Тебе придется участвовать в бойцовском поединке. Поединок не совсем законный, но я думаю, что наше высшее командование знает о существовании таких поединков.

– Не понял?

– Что ты не понял? Короче говоря, драться будешь. У нас здесь проходят турниры по рукопашному бою. Где проходят и как проходят, я не знаю, потому что не участвовал, а это мероприятие очень тщательно законспирировано. Знаю только одно – хорошие бойцы на вес золота, а ты ухитрился как-то показать себя, – съехидничал сержант.

– Ничего себе! А если я откажусь?

– Тогда ты автоматически становишься, как я уже говорил, вечно молодым, а вместо тебя заставят драться меня. Не знаю, какой из тебя боец, но из меня боец неважный. Так ты, я понимаю, решил отказаться?

– Да нет! Просто удивляюсь тому, что здесь происходит. Уже не в первый раз создается впечатление, что служишь не в Советской армии, а живешь не в СССР.

– Что ты вообще знаешь про СССР? Ничего! Я жил в Средней Азии и ничего похожего на то, о чем говорят и пропагандируют, не видел. Там, как и до революции, законы устанавливают те, у кого уйма денег, и они же правят. Остальное окружающее – это красиво созданные декорации. Тех, кто выступает против существующей системы, перемалывают в труху. Ты понял, к чему я клоню?

– Конечно.

– Ничего ты не понял! Ведь тебе драться придется! Короче, место и время назначат, а про разговор забудь и никому не вздумай рассказать. Одно обещаю: за то, что согласился, буду ходатайствовать перед майором, чтобы он дал тебе увольнительную в любое удобное для тебя время. Кстати, не подумай, что я откупаюсь. Просто мне по-человечески тебя жалко. А теперь иди и держи рот на замке.

Сергей молча вышел из каптерки и направился в курилку. Он даже не заметил, что почти весь личный состав учебного взвода уже была в казарме. Только тогда, когда были сделаны первые глубокие затяжки, и обжигающий сигаретный дым достиг легких, а по организму разлилось умиротворяющее тепло, он сообразил, что наступило обеденное время.

По указанию командира гарнизона, учебный взвод должен был ходить в столовую строевым порядком, с песней или под бой барабана. Все смеялись, что им оставили альтернативу. С песней никто ходить не хотел, поэтому всеобщим голосованием избрали барабанщика. Барабанщиком был назначен белорус Грубень Гриша. Он старался изо всех сил, но всегда сбивался с ритма. Его лицо при этом выражало такое страдание, что создавалось впечатление, что он с минуты на минуту расплчется. Ребята молча меняли ритм ходьбы, постоянно подстраиваясь под нескладный бой барабана, но никогда не осуждали его, так как барабанщиком никто быть больше не желал. Между собой его называли просто «барабан».

Вот и сейчас взвод по команде сержанта и под нестройный ритм двинулся в столовую. Над плацем, который пересекал взвод, разнеслось гулкое эхо ударов. Все молча улыбались, так как звук напоминал удары шамана в бубен у вогульских народностей.

В столовой все шло согласно заведенному порядку. Каждому подразделению были отведены свои столы. Раздатчики пищи разносили кастроли с едой и столовые принадлежности. На этот раз учебному взводу не досталось ни одной ложки. Когда суп был разлит по тарелкам, подошел сержант Фурсунов и приказал:

– На прием пищи выделяется десять минут! После этого выходим на построение! Кто не успеет, тот получит наряд вне очереди.

Сам сержант ел отдельно с другими сержантами за соседним столом. После его команды все засуетились. Наряд вне очереди получить никто не хотел, да и есть, как всегда, хотелось жутко. Но ложек так и не было. Дежурные по кухне ссылались на то, что столовых приборов на всех не хватает, потому что одновременно питаются много других военнослужащих. Ребята без ложек старались пить суп через край, но он был очень горячий и обжигал рот. Каша тоже была перегрета до такой степени, что есть ее губами было невозможно. Кто-то пытался подцеплять ее куском хлеба, но тот крошился и ломался, а ребята, торопясь, уже хватали кашу руками и, снова обжигаясь, роняли ее на пол и обмундирование.

Неожиданно появились старослужащие и с хохотом стали отпускать комментарии насчет того, как едят солдаты учебного взвода. Сергей начал подозревать, что это напрямую связано со вчерашними ночными событиями. Руками он есть не стал, а только с горечью наблюдал за своими товарищами. Дикая ярость в очередной раз овладела им. Безумно захотелось найти автомат и разрядить его без остатка одной длинной очередью в эту насмехающуюся над ними толпу. Крик сержанта вывел его из этого безумного состояния.

– Строиться! – скомандовал тот и, наблюдая, как на ходу некоторые солдаты пытаются засунуть еду в рот, злорадно добавил: – Товарищи курсанты, вы похожи на свиней и позорите честь мундира советского солдата.

Через некоторое время все выстроились у входа в столовую. Сержант с презрением смотрел на своих подчиненных.

– Вывернуть карманы! – продолжал командовать он.

Ребята нехотя начали выворачивать карманы штанов. Из некоторых карманов на асфальт стали падать куски хлеба.

– Сколько раз я говорил, что в казарму хлеб таскать запрещено! Вам сколько раз повторять надо? Значит так, вот ты, ты и ты остаетесь в столовой для помощи наряду по столовой, а сейчас поднять хлеб, весь до единой крошки, и съесть!

Сержант указал на тех, у кого выпал из карманов хлеб. Они обреченно поднимали хлеб, с трудом пережевывали его и нервно косились в сторону столовой, стараясь спрятать глаза. Им было стыдно. В части существовал негласный закон о том, что съестное приносить в расположение казармы было запрещено, потому что жилые помещения оккупировали крысы. Никакие средства борьбы с ними не помогали, а на запах пищи они сбегались со всех сторон. За одну ночь можно было лишиться обмундирования. Случайно завалившиеся в карманах крошки хлеба тут же привлекали грызунов, и они в поисках еды прогрызали огромные дыры в обмундировании. Они одолевали спящих солдат, рискуя по койкам. В обязанности дневального входил ночной обход расположения взвода с одной-единственной целью – для отпугивания крыс.

Сергей вспомнил эпизод из своей школьной жизни. В начальной школе директором школы Руновой Анастасией Петровной был установлен схожий порядок, только отличался он своей извращенной жестокостью. Порядок заключался в следующем. За каждым учеником было закреплено место в столовой и после окончания завтрака или обеда они должны были предоставить для осмотра свои тарелки. Остатков пищи там не должно было находиться. Но все доест было невозможно. В супе попадались толстые куски жира, от которых многих тошнило. Если этот кусок жира или что-либо еще оставалось в тарелке, то директор школы собственноручно брала его с тарелки и с силой запихивала его в рот обезумевшему от страха ученику. Ребята шли на хитрость. Сперва они скидывали остатки пищи под стол, но потом и это пресекли. Тогда они стали прятать еду по карманам, очищая потом одежду за школой. Но всевидящая директриса обнаружила и эту уловку. К досмотру стали предъявляться и карманы. Обнаруженная еда так же принудительно отправлялась в рот, и все это сопровождалось нравоучением о том, что советский школьник обязан доедать все без остатка, постоянно помня, как голодали их отцы и деды. Что-либо изменить было невозможно, но кое-какие возможности у них все-таки оставались. Сергей и его друзья стали незаметно подкидывать остатки еды в карманы передников школьной формы девчонок. Девчонок директриса не обыскивала. Это было некрасиво, но им приходилось приспосабливаться к существующему порядку.

Вот и сейчас Сергей смотрел на ребят, жующих хлеб, и ему было неприятно, как и тогда, когда ему было восемь лет. Ничего не изменилось с тех пор. Продолжалось все то же банальное и всем привычное насилие над личностью. Оно преследовало Сергея везде, и он уже начал привыкать к тому, что вся прошедшая, настоящая и будущая жизнь была и будет пронизана насилием и унижением. Значит, оставалось только приспособиться и стараться выжить. Сергей, уже повзрослев, не хотел этого, но бороться с системой было невозможно. Он понимал, что его попытки сопротивляться ни к чему хорошему не приведут.

– Взвод, налево! Шагом марш! – скомандовал сержант, и они под монотонный бой барабана, но уже без песни, подавленные и голодные, двинулись в учебную часть.

Учебные занятия продолжил заместитель командира гарнизона по политической части подполковник Хайло Альберт Юсуфович.

Подполковника все боялись. Он был политическим идеологом и курировал всю общественную и политическую жизнь гарнизона. Его указания и распоряжения соблюдали даже

работники военной прокуратуры. Сам он по национальности был татарин. Его склонность громко говорить могла ввести в ступор незнающего человека. Создавалось впечатление, что он не говорит, а кричит. Тембр его голоса мощно действовал на собеседника. Сам он считал себя рьяным борцом с неуставными отношениями и всячески критиковал тех, кто им потакал. Его отеческие наставления действовали на молодых солдат до тех пор, пока последние не сталкивались с настоящей «дедовщиной». Занятия, которые он проводил, были сущим мучением для солдат. Его монотонные громогласные лекции о победном марше социализма убаюкивали солдат, и те постоянно боролись со сном. Он заставлял заучивать политические лозунги и различные идеологические клятвы.

Для Сергея эти занятия все же были лучше, чем занятия строевой подготовкой на плацу, которые рекомендовал майор и которые проигнорировал сержант.

Подполковник, как всегда, начал свою лекцию с высокопарных фраз, от которых сразу потянуло в сон:

– Советский военный радиотелеграфист должен постоянно помнить, что в эфире он представляет свою Родину – Союз Советских Социалистических Республик. Своей работой он должен всемерно способствовать укреплению авторитета воинской профессии и направлять свою деятельность на укрепление дела мира, дружбы и взаимопонимания между народами!

Сергей скинул с себя наплывающую сонную пелену. Интересно, как это можно своей службой укреплять дело мира? Вот болтуны эти политические руководители. Недаром у подполковника и фамилия такая, как прозвище. Хайло, он и есть хайло. В уме всплыло матерное слово, которое захотелось произнести вслух, но он продолжал слушать подполковника, который тараторил заученную лекцию.

– Каждый военный радиотелеграфист должен быть патриотом, всегда готовым отдать свое мастерство оператора, технические навыки и знания на благо Родины и народа. Быть дисциплинированным, тактичным, доброжелательным, отзывчивым, не успокаиваться на достигнутых успехах, постоянно повышать уровень своих технических знаний. Обязан также стремиться безупречно работать на имеющейся в наличии радиостанции, хорошо знать и строго соблюдать инструкции, правила и положения, регламентирующие работу в эфире.

Подполковник еще долго и высокопарно говорил об идеологической подкованности курсанта, но закончил лекцию строго по расписанию. После его ухода появился сержант Фурсунов и, отменив перекур, сразу приступил к проведению основного технического занятия по обучению телеграфной азбуке.

Основой для телеграфной азбуки в различных странах мира послужил так называемый код Морзе. Помимо букв и цифр, в международном коде Морзе имелись также специальные обозначения для знаков препинания и некоторых служебных знаков. За основу всех временных интервалов в телеграфной азбуке принята длительность точки. Азбуку Морзе Сергей выучил. Только на первых занятиях до него дошло, для чего нужно было прослушивание, когда у них определяли наличие музыкального слуха. Телеграфная азбука была образована из различных комбинаций коротких и длинных сигналов в виде точек и тире. Запомнить, какое в знаке количество тире и точек, было невозможно, поэтому каждому знаку был присвоен свой определенный музыкальный напев, который имел свое неповторимое звучание. Радиотелеграфисты должны были уметь передавать рукой и принимать на слух телеграфную азбуку без применения каких-либо автоматических устройств. Нижний предел скорости приема и передачи знаков составлял десять знаков в минуту. Вот как раз это у Сергея не получалось, но он старательно выстукивал ключом комбинации из точек и тире. Подошедший сержант похлопал его по плечу и сказал:

– Не переживай, Воронцов, и продолжай в том же духе. Бывает, для того чтобы что-то получилось, нужен толчок. На данный момент у тебя скорость маленькая, но красивый почерк.

– А что мне почерк?

– Не скажи! Почерк в нашем деле очень многое значит. Раз у тебя хороший почерк, то тебя в эфире поймет даже нерадивый радист. Поэтому работай в том же темпе. Не увеличивай скорость за счет качества передачи. Со временем она сама увеличится.

Сержант прошел в другой конец класса и остановился напротив Мамочкина Ивана, который от усердия даже сгибался в такт удара ключа.

Мамочкин был незаурядной личностью. Все ребята думали, что он попал на службу по недоразумению. Ему шел двадцать второй год. Он окончил мореходное училище и устроился работать на рыболовецкий сейнер радистом. Судно ходило по Охотскому морю, и всегда весьма удачно. Улов был отменный, и экипаж имел приличную зарплату. Капитан судна всеми силами ограждал Мамочкина от контактов с военкоматом, пока не случилось происшествие, круто изменившее судьбу Ивана. Он имел неосторожность влюбиться в повараху Лизу, к которой был неравнодушен и сам капитан. Она ответила взаимностью. У них закрутился роман, который закончился списанием Ивана с судна на берег и немедленным призывом на службу. Самое главное заключалось в том, что Лиза сразу изменилась и отвернулась от Ивана. Она стала уделять больше внимания капитану, чтобы не лишиться работы. От этого предательства он чуть не сошел с ума и теперь был яростным ненавистником женщин и всего, что с ними связано. Ребята часто подшучивали над ним. Особенно над тем, как он ухитрился с корабля попасть в сухопутные войска. От подначек он злился, пыхтел и потел, словно находился в горячем цехе.

– Так вот, товарищи курсанты, прошу обратить ваше внимание на следующий факт! Почерк в нашей работе, еще раз повторяю, почерк очень много значит! – начал сержант и, взяв за руку Ивана, продолжил: – Курсант Мамочкин, что ты здесь ковыряешь? Понимаешь, мне скорость передачи знаков сейчас не нужна. Мне нужно банальное качество звучания!

– Товарищ сержант, извините, но я привык к электронному ключу, а здесь какая-то допотопная аппаратура. Кстати, я считался неплохим радистом, – начал, краснея от внимания к своей персоне, Иван, снимая с головы наушники.

– Да мне все равно, каким ты был радистом! На данный момент твоя квалификация не соответствует нашим стандартам. Я думаю, тебе сейчас проще, чем курсантам, которые начали все сначала. Так что изволь следовать моим рекомендациям.

– Так точно, товарищ сержант!

После этого все снова погрузились в процесс. Время пролетело незаметно. Близился вечер. После небольшого перерыва сержант устроил им ежедневную спортивную пробежку. Командовать ими он как всегда доверил Божичко, сержанту из другого взвода. Они дружили и оба были помешаны на спорте. Асфальтовая дорога, по которой они бежали, огибала гарнизон и тянулась примерно на пять километров. На последнем участке пути курсанты уже выдохлись, но все старались не отставать друг от друга. Только Петька Журкин остался далеко позади. Он не бежал, а брел, еле переставляя ноги.

Сам он был сплошное недоразумение. Высокий, долговязый, в больших нелепых очках, он был похож на карикатуру советского воина. Для него было настоящей трагедией то, что родители его почти насильно отправили на призывной пункт в Воронеж из богом забытой деревни Деж. Они хотели, чтобы из него в армии сделали настоящего человека. Он из-за этого сильно переживал, но старался стойко переносить все трудности службы, которая давалась ему невероятно тяжело.

Сержант Божичко остановился. Мышцы под футболкой у него так и перекачивались. Оглянувшись назад, он посмотрел на отставшего Журкина и скомандовал:

– Товарищи курсанты, стоп! Принять положение для ходьбы гусиным шагом! Двигаемся в этом положении, пока нас не догонит отставший курсант, а потом продолжаем бег.

– Товарищ сержант, а при чем здесь мы? Не мы же отстали? Он нас после догонит, – задал вопрос Витька Соловьев.

– Ты что, курсант, совсем рассудок потерял? Здесь все отвечают друг за друга. Не можете оказать ему помощь, будете наказаны вместе с ним.

– Это еще за что? – удивился Гриша Грубень.

Сержант пробуравил его взглядом, вальяжно прохаживаясь вдоль нестройных рядовдвигающегося на короточках подразделения, и ответил:

– За то, что не помогаете товарищу! А если это война?

Все притихли. Сержант, еще раз посмотрев в сторону Журкина, добавил:

– Разговорчики прекратить! Будем каждый раз в таком положении ожидать того, кто отстанет, пока не научимся коллективно исполнять приказы.

В скором времени подбежал запыхавшийся Журкин и чуть не со слезами на глазах выдал:

– Ребята, извините меня. Я не могу больше!

Курсанты поднялись вконец измученные и беспокойно молчали. Сержант стоял невдалеке, не вмешиваясь. Первым не выдержал москвич Иванов Андрей. Он со злостью схватил Журкина за обмундирование и перетащил его в голову построившихся курсантов.

– Теперь не отстанешь! А если будешь тормозить подразделение, то будем подгонять тебя пинками в твой тощий зад!

Петр уныло опустил голову. Он до сих пор не мог отдышаться. Ребята вздохнули с облегчением. Андрей сделал то, о чем думали все, но у остальных не хватило на это смелости. Сержант отдал команду и все опять побежали. Тело Петра сильно выгибалось из стороны в сторону. На него было больно смотреть. Его постоянно подталкивали, а к финишу практически несли на руках. Почти перед самым ужином закончился этот кошмар. Ребята, пользуясь получасовым отдыхом, разбрелись по казарме. Сергей присел перед койкой на стул и прикрыл глаза. Через некоторое время его обступили ребята.

– Серый, ты чего сегодня все молчишь? Что тебе сержант говорил про вчерашнее побоище на кухне? – спросил Витька Соловьев.

Сергей обвел взглядом ребят и, улыбнувшись, ответил:

– Да ничего особенного, Вить. Сержант был рад, что я дал по хребту этим чабанам.

– Врешь?

– Конеч но, да! – под т верд и л Сергей и рас хохота лся. Все тоже засмеялись. Андрей похлопал Сергея по плечу и сказал:

– Молодец! Мне Колька все рассказал. Уважаю!

– Ребята, хотите загадку задам? – выпалил Мамочкин.

– Валяй, мамочка! – отечески разрешил Андрей и похлопал его по плечу.

– Сколько нужно прапорщиков, чтобы лампочку вкрутить?

– Двое, – моментально выпалил Николай.

– Почему двое? – удивился Андрей.

– Потому-что один меняет лампу, а другой подает ее.

– Неверно! – провозгласил Мамочкин и довольный продолжил: – Нужно девять прапорщиков. Один забирается на стол и подносит лампочку к патрону. Четверо других берутся за ножки стола, поднимают его и идут по часовой стрелке. Остальные четверо идут против часовой стрелки, чтобы у первых не закружилась голова.

Все засмеялись и стали вспоминать свои загадки и анекдоты. Время пролетело незаметно. К сержанту пришел незнакомый солдат. Они немногословно пообщались. После этого дневальный позвал Сергея к сержанту, а тот сказал, подмигнув левым глазом:

– Пойдешь вот с ним. С тобой хотят пообщаться! На ужин не опаздывай.

Сергей, не промолвив ни слова, отправился за незнакомцем. Они обогнули плац и вышли к столовой со стороны запасного выхода. У столовой они повернули налево и направились в сторону складских ангаров. В этой части гарнизона Сергей еще никогда не был. Наст упавшая темнота скрыла их от посторонних взглядов. Они пересекли внутренний двор ангаров. Незнакомец постучал в металлическую дверь, а потом подтолкнул к ней Сергея. У Сергея ритмично заколотилось сердце, но он, преодолевая мандраж, открыл дверь и вошел. Это было небольшое помещение, из которого ухитрились сделать подобие спортивного зала. Освещение было слабое, но Сергей успел рассмотреть, что часть пола в нем была застелена матами. В углу располагался спортивный инвентарь. В центре виднелись кольца и боксерская груша. Рядом с ними стоял кореец. Сергей даже вздрогнул от неожиданности. Некоторое время они стояли, молча изучая друг друга. Вскоре кореец промолвил:

– Что молчишь?

Сергей удивленно поднял брови и ответил вопросом на вопрос:

– Инициатива этой встречи разве моя?

– Хорошо! Что-то подобное и ожидал от тебя услышать! Я навел о тебе справки. Практически меня все устраивает.

– Что устраивает?

– Неважно! Где учился драться?

Сергей еще раз припомнил все то, что произошло с ним за последние сутки. Кто он, этот кореец? Что ему надо? Не найдя ответа на эти вопросы, он ответил:

– Занимался в секции каратэ. Получил белый пояс и на этом регулярные занятия закончились. Можно сказать, дальше занимался индивидуально с инструктором.

Кореец задумался и произнес:

– Нынешний ажиотаж вокруг каратэ внушил многим чувство ложной безопасности. Бывает так, что недобросовестные и неквалифицированные самозванные инструкторы по каратэ дурачат наивных, ни о чем не подозревающих людей. Дурачат и практически ничего им не дают. А ты что об этом думаешь?

– Не знаю, как у других, но у меня был, я думаю, неплохой инструктор. Только у меня была и другая жизнь, работа, учеба, теперь вот служба, все это требует сил и времени. Свободных часов совсем мало, а дел много. Когда тренироваться?

– Это ты верно подметил. Настоящее каратэ требует регулярных серьезных тренировок.

– Но несколько минут в день, которые можно потратить на тренировку, никогда не пропадут даром.

Кореец еще внимательнее посмотрел на Сергея, словно оценивал каждое его слово, и сказал:

– Молодец! Теперь я уверен, что ты мне подходишь.

– Для чего!

– Естественно, для продолжения обучения! Тебе же предстоит отстаивать свою жизнь! Да, отстаивать, я не ошибся! Я тебе помогу овладеть такими приемами, о которых здесь никто не знает.

– Почему?

– Просто я выбрал тебя, а по какой причине, не важно! Меня зовут Ким.

Он решительно протянул Сергею руку, и они обменялись рукопожатием. Сергей догадался, что ему представляться не нужно, и только молча улыбнулся.

– Но предупреждаю, что даже если ты овладеешь всеми приемами, которым я научу, это не сделает тебя непобедимым, но, конечно, подготовит к защите своей жизни, – сказал

кореец и, уже поворачиваясь, чтобы уйти, добавил: – Занятия начнем завтра после отбоя, а сейчас тебя проводят.

Он исчез незаметно, а Сергея торопливо толкал провожатый. Уже в наступившей темноте они подошли к столовой.

После ужина в расположении взвода неожиданно появился подполковник Хайло. Он до безумия любил инспектировать обязательный просмотр подразделениями телевизионной программы «Время». Сегодня, по утвержденному графику, он инспектировал учебный взвод. Это означало, что при просмотре этой программы по телевизору никто не имеет права даже задремать. Сон пресекался ударом длинной деревянной рейки по голове. Подполковник с явным удовольствием обходил ряды сидевших у голубого экрана курсантов. Сергей сидел в первом ряду, а сзади то и дело слышались сухие щелчки рейки.

Все происходящее опять напомнило ему начальную школу. Особенно тамошнюю директрису. Она тоже наказывала учеников и примерно так же: за плохое поведение била учеников по головам деревянной указкой или деревянным ученическим метром. Била с такой силой, что указки иногда ломались. От этого она приходила в состояние еще большей ярости. Чтобы возместить потерю инструмента, заставляла учеников приносить новый. Родители думали, что их чадо опять набедокурило, и тоже колотили его в воспитательных целях. Разве могли они подумать, что советский учитель станет ломать об головы советских учеников указки, а потом заставлять их раздобывать новые. Но такое было. Самое главное, что подобное происходило опять и сейчас.

Программа «Время» вещала, как всегда, о победном марше социализма. Холеный диктор сообщил, что сегодня Юрий Андропов был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. После смерти Брежнева он стал вторым человеком в стране, который стал исполнять одновременно высшую партийную и государственные должности. Вообще, как считал Сергей, в партийной жизни страны что-то не ладилось. Вчера тот же диктор сообщил, что «за допущенные в работе ошибки» из состава Центрального комитета были выведены Николай Щелоков, бывший министр МВД, и Сергей Медунов, первый секретарь Краснодарского обкома партии. Сергей чуть не сплюнул на пол. Ворье, оно и есть ворье. Высокопоставленные казнокрады. Дальше он не хотел слушать эту телевизионную белиберду и мысленно отключился. Это умение быстро отключаться он старался постоянно развивать. Вот и сегодня остаток дня он провел в этом состоянии, отдыхая от свалившихся на него проблем.

3

Младший сержант Чучин появился в жизни курсантов неожиданно и комично. Сержант Фурсунов сам недоумевал от вида Чучина.

Маленький, толстый, с крохотными очками на кончике носа, он походил на Генерального Комиссара Государственной Безопасности Лаврентия Павловича Берию. Его история была комичней, чем он сам. Он жил в Москве, ему было уже двадцать шесть лет. Родители его погибли в автомобильной катастрофе, и он, по его же утверждению, потомственный дворянин, остался жить с бабушкой и дедушкой в большой пятикомнатной квартире в центре столицы. Он являлся единственным кормильцем для стариков и поэтому имел законную отсрочку от службы в армии. Вот только было одно но. Он любил выпить, и выпить с огромным размахом. В его масштабных загулах с посещением дорогих ресторанов и баров участвовало несчетное количество дружков и подружек. Все имеющиеся в квартире предметы старины он давно уже продал и, нуждаясь в деньгах, решил на обмен квартиры с приличной доплатой. Его бабка с дедом пришли в натуральный ужас. Их обожаемый пухленький и безобидный внучок Олежка хочет лишить их домашнего очага. И все бы у него получилось, если бы по совету соседей они не пошли в военкомат и не кинулись в ноги военкому. Заберите, мол, на службу нашего переростка-душегуба, а не то пропьет нас вместе с квартирой. Военком долго кричал, ссылаясь на приличный возраст призывника, но все-таки согласился, посочувствовав душевному состоянию старых людей, и пообещал, что в армии его научат уму-разуму. Вот так Чучин и попал на службу. Его это несколько не удивило и не смутило. Он философски отнесся к происшедшему и даже гордился тем, что был старше всех по возрасту, считал себя отцом всех солдат. Окончив сержантскую школу, он был направлен в учебный взвод.

За службу он взялся с превеликим безразличием. Это было Фурсунову на руку, так как он не увидел в сопернике претендента на лидерство. Это означало, что ничего в его жизни не изменится. Только появился помощник на всю рутинную работу. Личный состав учебного взвода обожал Чучина, потому что прекратились изматывающие физические занятия по утрам, на которые отводилось тридцать минут. Он за это время успевал загонять взвод в помещение военной прокуратуры и все заваливались вповалку прямо на дощатый пол досыпать, благо, наряд по прокуратуре тоже был из учебного взвода.

Рутинное военное обучение продолжалось ежедневно. Дни пролетали незаметно.

Каждый вечер до поздней ночи Сергей проходил у корейца обучение боевому искусству. Его нестандартные занятия перевернули отношения Сергея к самой сути восточных единоборств. Он даже не мог представить себе, чего можно достичь, соединяя физическое и духовное мастерство. Кореец тоже был удивлен тому потенциалу, который скрывался в его ученике. Он с каждым днем все больше и больше поражался его способностям и умением все схватывать налету. Больше всего радовало то, что основы каратэ в нем были заложены качественные. Видно было влияние отличного инструктора. Кореец решил за этот короткий срок дать Сергею то, что многие не получили бы и за несколько лет обучения. Характер его ученика позволял сделать это. У него отсутствовала беспричинная злость, а потенциал самозащиты буквально зашкаливал.

В этот день с самого раннего утра все пошло не так, как хотелось. Сергей почувствовал себя плохо сразу после пробуждения. Недомогание расплзлось по телу, как сорняк по огороду. Ощущение приближающейся болезни не покидало его, но он старался не поддаваться слабости. После занятий их отправили на склады разгружать автомашины с удовольствием. Руководил процессом толстый и беспричинно злой прапорщик. Его щеки тряслись после каждого злобного выкрика. Ему все казалось, что солдаты учебного взвода

медленно работают. Сергей в очередной раз поразился поведению человека с погонами прапорщика. Абсолютно все они были откровенными злыднями, словно их подбирали специально и целенаправленно именно таких, для устрашения молодых солдат. Исключительно для воздействия на них, потому что старослужащие с мнением прапорщиков не считались и откровенно игнорировали их указания. А этот экземпляр превзошел всех остальных и насыщал с таким наслаждением, словно считал, будто его полномочия богоподобны. Сергей старался не смотреть в его сторону, чтобы избавиться от чувства брезгливости, и упорно таскал коробки в глубину склада. В таком ритме они работали почти два часа, пока все автомашины не разъехались, а последняя коробка не была водружена на стеллаж. Прапорщик сразу подобрел, вероятно, мысленно подсчитывал количество того, что он сегодня сможет украсть.

– Марш, марш! – вальяжно скомандовал он курсантам, словно офицер Белой гвардии.

Ребята с удовольствием покинули территорию складов, но возвращаться в казарму не торопились. Они долго бродили по лесу, прилегающему к части, и только к ужину вернулись в расположение взвода. После ужина Афанасьев Вадик, пронырливый и верткий, как пиявка, достал из своей прикроватной тумбочки несколько пачек табака марки «Капитанский».

– Откуда такое добро? – спросил Зуев, недоверчиво косясь на Вадика.

– Откуда-откуда! От верблюда! У жиртреста на складе спер! Давай, мужики, налетай!

Некоторое время все стояли в нерешительности. Курево было настоящим дефицитом. Не каждому солдату родители могли выслать деньги, а если и высылали, то они по большей части тратились на продукты питания, которые удавалось покупать в солдатской чайной. Солдатского жалования хватало только на средства гигиены.

Вадик был парнем с характером, он легко менял мнение в зависимости от существующих в нынешний момент условий, за что получил прозвище Хамелеон. На это он ни капли не обижался, объясняя свои поступки тем, что в детском доме, где он воспитывался, было гораздо хуже. Товарищем он был ненадежным и в любой момент мог пойти на предательство, несколько о том не сожалел. Поэтому он практически всегда был один, но, как казалось ребятам, этот факт его радовал. Его любимой сентенцией была такая: вранье, мол, есть единственная человеческая привилегия перед всеми иными существами.

– Ну, что вы думаете? – подтрунивал он над своими сослуживцами. – Не бойтесь, от халавы никто еще не опухал!

Ребята сначала неуверенно, а потом наперебой стали горстями набирать табак и сворачивать самокрутки, разорвав подвернувшуюся газету на подходящие лоскутки. Не имея навыков изготовления самокруток, они делали самодельные папиросы огромных размеров и весело хохотали. На улице начал моросить дождь и курить решили на лестничной площадке запасного выхода. От первых затяжек некоторые курильщики начали кашлять, но потом, привыкнув к терпкому вкусу, блаженно заулыбались. От толстых самокруток дым валил, как из труб. Лестничные марши быстро наполнились дымом, который начал подниматься на третий этаж. Сергей тоже решил попробовать табачку и, свернув небольшую папироску, закурил. Вкус ему не понравился, но желание покурить мгновенно улетучилось.

Вскоре раздались истошные крики сверху:

– Эй, «духи», совсем одурели? Что за гадость вы там курите?

Сверху через перила свесились двое «дедов» роты связи. Они жили этажом выше, но встречались с курсантами редко, так как входы у всех были разные. То, что служило учебному взводу запасным выходом, было основным входом в расположение боевой роты, и наоборот.

– Курим, и курим! Вам какое дело? – выкрикнул Вадик и выпустил большую струю дыма в их сторону.

– Это кто там такой смелый? – произнес появившийся на лестничном пролете третий.

– Тебе какое дело? – с вызовом ответил Вадик.

– Я не понял, кто там пищит? – выкрикнул тот и начал спускаться вниз, но был остановлен своими товарищами.

– Не связывайся с ними, Артур, за учебный взвод Татарин с Крокодилом по головке не погладят. Себе только дорожке выйдет. Вот закончат учебку и к нам кого-либо из них обязательно распределят. Вот тогда и будем учить «дедушек» уважать.

– И то верно! – подхватил он, вернулся назад и сказал спокойно, с пренебрежением, уже обращаясь к курсантам. – Сам лично прослежу за вашим распределением и в другие части позвоню, чтобы там чинно и с почестями вас встретили. Вешайтесь, «душары»!

Ребята вернулись в казарму притихшие. Всем стало не по себе от того, какое будущее обещал им устроить незнакомый им Артур. Сергей второй раз за эти месяцы услышал адресованное ему слово «вешайтесь». Появилось нехорошее предчувствие насчет будущей встречи с боевой частью. Он решительно отогнал эти мысли, радуясь, что до осени еще далеко, но время летело быстро. Так быстро, что это далеко было совсем рядом. Так рядом, что казалось, его можно потрогать рукой. Еще больше омрачало настроение то, что бой будет уже скоро. Как это будет выглядеть, он не мог себе представить. Сегодняшнюю тренировку хотел отменить, сослаться на плохое самочувствие, но потом передумал. Что его ждет, он не знал, а поэтому решил, что нужно подготовиться, особенно раз есть такая возможность. Фурсунов, как обычно, не произнося ни слова, после отбоя отпустил его на тренировку.

Корец встретил Сергея молча. Его лицо ничего не выражало. Он, почувствовав болезненное состояние Сергея, сказал:

– Если перед лицом опасности ты, даже приболевший, не сможешь контролировать свои эмоции, то твоя способность защищаться останется чисто теоретической. Победа или поражение зависят только от тебя самого, а не от боевого искусства или техники, которую ты знаешь. Если ты не сможешь управлять своими эмоциями и своим физическим состоянием, тебя легко победит более решительный противник, который, вероятно, и не знает техники вообще.

Сергей молча кивнул, борясь с дневной усталостью и недомоганием, а корец продолжил:

– Ты сильнее болезни. Только от твоей воли зависит ее состояние. Она сейчас у тебя вместо противника, и ты можешь ее победить. Победить усилием воли, не применяя физической силы.

Сергей прикрыл глаза и расслабился, пытаясь взять под контроль остатки сил своего организма, но у него никак не получалось. Уже практически растратив силы, он внезапно ощутил, как тело наполняется теплом. Оно появилось словно ниоткуда, из небытия. Сергей сначала вздрогнул от внезапного ощущения победы и понял, что может управлять этим неосознаваемым очагом тепла, направляя его действие нужным образом. Болезнь внезапно растворилась в этом нескончаемом горячем потоке, а он обрадовался, как ребенок, но при этом все ощущения исчезли, словно их унесло порывом ветра. Он снова ощутил недомогание и усталость. Корец, увидев отразившиеся на лице Сергея переживания, сказал:

– Вот видишь, у тебя получилось. Если будешь ежедневно тренироваться, то возьмешь верх над своими эмоциями.

– Понятно. Я постараюсь.

– Постараться мало. Нужна твердая уверенность в своих силах и возможностях!

– Я всегда думаю о том, кто будет моим противником. Мне кажется, что у меня при этой мысли появляется страх. Скорее всего, даже не страх, а боязнь неизвестности!

– Когда кажется, обязательно крестись, а кто будет твой противник, и в каком состоянии – не столь важно. Твоя задача – справиться со страхом до поединка. Страх угрожает изнутри, это обычное дело для человека. Прежде всего, нужно помнить, что страх, возможно, испытываешь не только ты, но и твой противник. Поэтому, оценивая опасность, в первую оче-

редь оцени того, кто ее представляет: оцени его внешность, поведение, оружие или предмет, используемый в качестве оружия. Подумай, что может помочь тебе. Если на основе полученной информации, ее анализа ты понял, что необходимо действовать, делай это решительно и без промедления.

Сергей кивнул. Говорить ему не хотелось. Кореец понял его состояние и указал на дверь в глубине помещения. Сергей двинулся вслед за ним. За дверью оказалась небольшая комната, тускло освещенная одной-единственной лампочкой. Кроме стола и двух стульев, в комнате ничего больше не было. На столе стоял электрический самовар, от него шел пар. Рядом стояли фарфоровые кружки и пачка индийского чая с изображением слона. Такой чай бывал в продуктовом наборе, который приносила мать с завода. Кореец жестом предложил ему сесть на стул, а сам достал кружки и наполнил их из самовара. Что-то знакомое показалось Сергею в этом запахе, но что, он уловить не смог, как ни напрягал свою память.

– Не бойся, не отравлю. Это травяной настой из рецептов моего деда. Поднимает на ноги мертвого. Его пить нужно обязательно горячим.

– Да я и не боюсь. Просто в аромате знакомый запах, а какой, понять не могу!

– Это букет и вникать в его состав тебе не обязательно.

Сергей посмотрел на корейца, словно собираясь с мыслями, и спросил:

– Ким, я давно хотел тебя спросить о твоей личной жизни. Ты ничего не рассказываешь о себе. В части о тебе никто ничего не знает.

– Зачем тебе это?

– Просто мне интересно знать о человеке, с которым я общаюсь!

Сергей сделал глоток обжигающего настоя, а кореец прикрыл глаза, стараясь встряхнуть воспоминания. Через некоторое время он начал говорить. Поначалу говорил нехотя, но потом все эмоциональнее и эмоциональнее. Сергею показалось, что его речь была похожа на исповедь, которую он, вероятно, произносит впервые.

– Мои родители родились, познакомились и жили в Корее, стране с древней историей. Дом, в котором они жили, принадлежал моему деду. Он с раннего детства обучался боевым искусствам и имел свою школу, поэтому отец тоже рано приобщился к обучению, а потом и я. В начале этого века Корея была оккупирована Японией. Только в августе 1945 года Корея к северу от тридцать восьмой параллели была освобождена Советской армией от японцев. Юг страны заняли войска США, которые не принимали участия в ее освобождении от японцев, но, в соответствии с союзническими соглашениями в Ялте и Потсдаме, имели на это право. Ты что-нибудь слышал о корейской войне?

– Если сказать честно, то из школьной программы знал только сам факт, когда что происходило, и не более того.

– Понятно, нам преподносили ту же информацию и в том же объеме, а мне всегда было обидно, что об этой войне практически никто ничего не знает. Если честно, я и сам знаю об этом только со слов матери, – кореец некоторое время помолчал, а потом продолжил: – Правительство Советского Союза хотело возродить Корею как единое, независимое, демократическое государство, но США сорвали эту дипломатическую работу. Практически были созданы два государства. Одно по образу Советского Союза, где жили мои родители. Второе по образу Соединенных Штатов. На границе стали постоянно происходить вооруженные столкновения, а в июне 1950 года начались полномасштабные военные действия. Мой отец и дед были призваны в армию и принимали активное участие в подготовке специалистов по рукопашному бою. Войска Северной Кореи через три дня заняли Сеул и углубились далеко на юг. Уже в сентябре пятидесятитысячный десант войск США высадился в районе Инчхона, в глубоком тылу народной армии, перешел в контрнаступление и, заняв большую часть территории Северной Кореи, вышел к границам Китая. Война между двумя корейскими государствами была одновременно противоборством между СССР, который действовал сов-

местно с КНР, и США. В октябре границу перешли части китайских «народных добровольцев». К концу года войска противника были отброшены к тридцать восьмой параллели, где фронт и стабилизировался.

Война нанесла огромный ущерб Корее. Многие города лежали в руинах, погибло около девяти миллионов человек. Потери китайских «народных добровольцев» тоже были огромные. Их погибло около миллиона человек. Умерли все мои родственники, мой дед и старший брат. Отец был тяжело ранен, а мать с трудом перенесла гибель родных и сына. Их переправили в Китай на лечение, а оттуда они попали в Советский Союз. Отец ради матери принял решение остаться в России, которая стала им второй родиной. Позже родился я. Отец старался передать мне знания, которыми владел. Я в совершенстве овладел каратэ, стараясь не подвести отца. Он торопился научить меня всему, что знал, потому что после ранения многие годы тяжело болел, но никому не показывал своей боли. Когда я уже заканчивал школу, его не стало. У меня осталась единственная мечта. После службы в память об отце хочу открыть школу боевых искусств.

Отец говорил мне, что в искусстве самозащиты есть свои тайны, и после долгих лет практики он обнаружил, что если тайны и есть, их можно свести к следующему: наилучший путь к победе – бегство, а мудрец всегда избегает опасностей. Но иногда бывает, что тебе не остается выбора, вот тогда и пригождаются полученные и доведенные до совершенства знания.

Кореец замолчал, а Сергей задумался, стараясь осмыслить услышанное. Он всегда приходил в ужас от того, сколько стоит смертей за сухими цифрами исторических дат. Количество погибших в этой войне поразило его. Какие же там шли бои, раз было перебито столько людей, и сколько их погибло и погибнет в других локальных войнах, предугадать, вероятно, никто не сможет. Печальна судьба семьи Кима. Оказаться одним в чужой стране после гибели всех, кого знал, очень тяжело. Даже представить такое невозможно. Сергей сразу вспомнил своих родителей с сестрой, и ему стало тоскливо. А вдруг он их больше не увидит? Что будет тогда? Он с облегчением вздохнул, ведь такого однозначно быть не может.

– Что-то я сегодня ударился в ностальгию, – прервал тишину кореец. – Можешь идти, а то уже поздно. Вот, возьми лекарство!

– Не понял, что это? – спросил Сергей, принимая из его рук небольшую стеклянную бутылочку с мутной жидкостью.

– Спирт, настоянный на травах. Выпьешь и сразу в постель. Болезнь как рукой снимет.

– Спасибо! Тогда я пошел. До завтра.

Ким промолчал, а Сергей вышел из комнаты в зал, а потом на улицу. Уже находясь рядом с казармой, он зашел в курилку. Ему еще хоть немного захотелось побыть одному. Он отвинтил крышку с бутылочки и недоверчиво понюхал ее содержимое. В нос ударил спиртовой запах с еле уловимым травяным ароматом. Не раздумывая, Сергей залпом выпил содержимое и чуть не задохнулся. Спирт оказался неразбавленным, дыхание перехватило. Он торопливо закурил. Через некоторое время по телу прошла волна опьянения. Внезапно появилась небывалая легкость. Он удивился тому, как быстро опьянел, и от удовольствия запрокинул голову назад, любуясь звездным небом. Звезды на небосводе были ослепительно яркими, не такими, как в Ленинграде, потому что полная темнота делала их более выразительными. В такие минуты приходили приятные воспоминания и отключали сознание от всей обыденной суеты.

Он вспомнил, как впервые в нем появилось ощущение, что он – мужчина. После окончания восьмого класса ученики, которые оставались для продолжения обучения в школе, проходили летом обязательную трудовую практику. Лучшего времени, как дни, проведенные в трудовом лагере, Сергей в своей жизни даже не мог припомнить. Тогда он впервые обратил на Олю внимание. Возможно, тогда зародились их первые чувства. Они, еще совсем

юные подростки, многие из которых переживали очередной этап переходного возраста, придумывали различные развлечения. Особенно любили хулиганить после отбоя. Любимым занятием были вылазки мальчишек в спальную комнату девчонок. Это, по правилам лагеря, являлось грубейшим нарушением дисциплины, которое по тем временам могло закончиться исключением из лагеря. Но мальчишки почти каждый день совершали эти вылазки, что считалось верхом храбрости. В тот вечер Сергей со Славкой Назаровым пробрались к девчонкам и, как обычно, изо всех сил старались их развлечь, но только шепотом и в полной темноте, чтобы не привлекать внимание учителей, дежуривших по ночам. Это придавало вылазкам романтичность и загадочность. Как назло, комнату спящих мальчишек пришли проверять сразу двое: молодой учитель физкультуры и старенький полненький и подслеповатый учитель рисования. Конечно, они мгновенно обнаружили отсутствие двоих учеников. Молодой бросился проверять улицу, а учитель рисования отправился к девчонкам. Сергей со Славкой бросились сначала к окнам, но там проходил физрук. Они поняли, что сейчас будут разоблачены, и какие-то доли секунды придумывали оправдание своему поступку, пока кто-то из девчонок не предложил, чтобы они забрались под одеяла. Друзья долго не раздумывали. Сергей скользнул под одеяло к Оле, прижался к ней и испуганно замер. Та вовремя накрыла его и себя одеялом, потому что в комнату вошел учитель. Девчонки притворились спящими, а он долго ходил между кроватей и подозрительно осматривал все уголки комнаты. Все еле-еле сдерживали безудержный смех. Сергей вдруг отчетливо уловил ритмичное сердцебиение Оли и неповторимый запах ее полуобнаженного тела. Густые капли пота выступили на его лице, и он весь напрягся, борясь с безумным желанием обнять и поцеловать ее грудь. Учитель ушел и еще долго стоял в коридоре. Вернуться в свою комнату было нереально. Ребята придумали новый план. Они переоделись в платья девчонок, им завязали бантики, и они прошли в женский туалет. Учитель долго смотрел в их сторону, пока они не удалились. Им повезло. Он плохо видел и ничего не заподозрил. В это время девчонки по разработанному плану зашумели, и учитель опять засеменил в их комнату, а друзья благополучно вернулись к себе и прикинулись спящими. Позже, как учителя ни добивались, правду им никто не раскрыл, а Сергей совсем по-иному стал смотреть на девчонок. Тогда он ясно ощутил, что детство скоро закончится. С Олей они подружились только через год, но он до сих пор помнил то потрясающее чувство, которое он испытал лежа под одеялом.

Только ради этого стоило жить.

На лестничной площадке не было никакого света. Свет не пробивался ни из-за дверей, ни из коридоров. Сергей двигался на ощупь и чувствовал, что в темноте он не один, и этот кто-то живой движется рядом с ним. Ему стало жутко, когда он вошел в расположение взвода. В казарме царил такой же беспросветный мрак, как и на лестничных проемах. Дверь была открыта, а дневального курсанта Мамочкина на месте не оказалось. Непонятный шорох стал громче, а на другом конце казармы вспыхнул огонек, и Мамочкин неожиданно завопил не своим голосом:

– Мужики, подъем!

Только в отблесках огня на другом конце казармы Сергей понял, кто его сопровождал в темноте. Такое зрелище он видел впервые. Серый живой ковер покрывал пол и нижние спальные койки. Крысы были таких гигантских размеров, что он опешил. Под сумасшедшие выкрики дневального все начали вскакивать со своих мест, смахивать на пол визжащие серые тела. Темнота и растерянность сделали свое дело – началась паника. Сержант Фурсунов в одних трусах и босиком метался у каптерки, вероятно, желая достать фонари, и орал благим матом, что его кто-то кусает за ноги. На Чучина было больно смотреть. Он восседал на верхней койке и был похож на Карлсона, который, свесив туловище вниз, бьет подушкой направо и налево, разгоняя визжащих животных. По непонятным причинам крысы покидали подвал через их казарму. Почему это произошло, выяснилось позже. В подвале про-

рвало водопроводную трубу, и крысы, спасаясь от воды, хлынули по лестничным маршам на второй этаж, в расположение учебного взвода. Только там был запасной выход, ведущий в другое крыло здания, со своим изолированным подвалом. Поднявшаяся вода добралась до электрического щита и замкнула проводку.

Итог этого бедствия был плачевный: десять курсантов во главе с сержантом Фурсуновым получили укусы, один вывихнул ногу, упав со второго яруса кровати. Появившийся некстати в дверях казармы командир роты Кукишев, вероятно, вызванный дежурным по части, истошно заорал:

– Где дневальный, мать твою за ногу? Что за бардак во вверенном мне подразделении?

Сержант Фурсунов исчез в каптерке, которую наконец открыл, а к майору подбежал младший сержант Чучин. Вид у него был удручающий. Впечатление усугубило внезапно заработавшее аварийное освещение. Чучин не успел открыть рта, как майор, разглядев его нелепый неуставной вид, еще больше рассвирепел:

– Это что за толстый карлик ко мне явился? Ты посмотри на себя, воин! Тебя гнать надо из рядов вооруженных сил! Вон отсюда!

Чучин сразу сбежал, да так быстро, что все опешили, увидев, с какой прытью он это проделал. Сергей, единственный, кто в данной ситуации адекватно рассуждал и стоял один в обмундировании, решил спасти положение. Он повернулся к курсантам и скомандовал:

– Взвод, строиться! Смирно!

После того, как личный состав был построен, он строевым шагом подошел к майору и, отдав честь, доложил:

– Товарищ майор, учебный взвод был атакован дикими животными! Ввиду отсутствия электроснабжения внезапность была на стороне противника! Благодаря самоотверженным действиям курсанта Мамочкина и сержанта Фурсунова личный состав учебного взвода был отведен от центра миграции диких животных, но имеются раненые! Несколько человек покусаны, один вывихнул ногу! Докладывает курсант Воронцов!

У майора от его доклада глаза полезли на лоб. Он побледнел, отдавая честь Сергею, и еле выдавил из себя:

– Молодец. – и снова заорал, уже не владея собой: – Фурсунов, ты где, выходи немедленно, паразит такой, или я проломлю твою нерусскую голову!

Фурсунов осторожно вышел из каптерки. Он, поскольку лишился своего повседневного обмундирования, облачился в парадную форму, чтобы хоть пристойно выглядеть в глазах офицера. Его босые, перемазанные кровью, ноги торчали из поношенных шлепок. Всегда гордившийся тем, что опрятно одет, идеально отутюжен и побрит, он был готов провалиться под землю, но стойко выдерживал издевательства майора.

– Ты, сержант, куда собрался? Молчишь? – не унимался майор. – Я могу рассказать за тебя! Ты хотел дезертировать! Бежал, вероятно, всю ночь так, что даже ноги стер до зада, но бежать-то некуда. До каптерки только и смог добежать! Из всех вас только один курсант Воронцов трезво может рассуждать.

Он похлопал Сергея по плечу и, окинув взглядом унылые лица солдат, сказал:

– Держите равнение на своего товарища. Если бы он не был курсантом, сегодня же произвел его в сержанты! Сержант Фурсунов?

– Да!!!

– Привести себя в божеский вид и раненых в медсанчасть, естественно, вместе с собой. Я вас там буду ждать!

– Есть!

Сержант, прихрамывая, убежал, а майор некоторое время ревностно понаблюдал за происходящим и двинулся к выходу. Мамочкин уже занял место дневального. Как он ухитрился это сделать, проскользнув незамеченным мимо строя, никто не мог понять. Майор,

проходя мимо, погрозил ему кулаком, но промолчал. На что Мамочкин вытянулся и, широко улыбнувшись, отдал честь. Построенные курсанты не расходились и вопросительно смотрели на Сергея.

– Что вы на меня смотрите, мужики? Покусанные – с сержантом, а остальные байки!

Ребята разошлись, бурно обсуждая произошедшее, а Сергей устало опустился на кровать. Тело слабо реагировало на команды, да и выпитый спирт давал о себе знать, распространяя вялость по мышцам. Он разделся и, не раздумывая, лег под одеяло, уже не обращая внимания на крики сослуживцев.

4

Она стояла такая робкая, застенчивая и такая любимая. Дежурный по КПП разрешил Сергею пройти через проходную, и он отвел Олю в сторону, подальше от любопытных глаз.

– Сереженька, тебя даже не узнать в этой форме! – воскликнула она вместо приветствия. – Я так долго ждала этой встречи!

– Я тоже, Оленька! – выдохнул он и нежно обнял девушку. – Я не верю своим глазам. Как ты смогла одна сюда добраться? Это же настоящий подвиг, – продолжал шептать он, зарывшись лицом в копну ее волос.

– Да не так и далеко добираться! А мне, кстати, помогла мама. Скажешь ей потом спасибо!

– Конечно, Олечка!

– Я боюсь и спрашивать о наших дальнейших планах, чтобы сразу не услышать что-либо неприятное.

– Почему?

– Ты же в армии! После твоего звонка прошло столько времени, словно вечность, и планы у тебя могли поменяться, а мне самое главное – было увидеть тебя! Я же так соскучилась!

– Планы не менялись! И времени прошло совсем ничего!

– Это у тебя совсем ничего, а у меня целая вечность!

– Все хорошо! Я отпущен на два дня в увольнительную для встречи своей невесты!

– ?!

– Да-да, своей невесты! Или ты будешь возражать?

– Нет! – выдохнула она, смущенная его откровенностью.

– И какие наши планы?

– Сейчас я отлучусь ненадолго, а ты подождешь меня немножечко. Мне выдадут парадную форму, документы и мы целых два дня будем вместе.

Сергей вернулся в казарму. Сержант Фурсунов ждал его.

– Ну что, встретил свою красавицу?

– Конечно!

– Молодец! Получай документы, парадку и ключи!

– Какие ключи?

– Это тебе презент от меня!

– Не понял?

– Тебе ночевать где-то надо? Вот я и презентую тебе ключи от комнаты в доме отдыха офицерского городка, где будешь жить эти дни со своей красавицей.

Сергей обомлел. Это был действительно подарок так подарок. Он об их проживании даже не подумал. Ему было интересно, откуда этот узбек сам мог достать ключи. Видно, не зря ходили слухи о том, что тот спит с Эльвирой Павловной, женой их Крокодила. Он вдумчиво посмотрел на сержанта, но лицо того ничего не выражало, а задавать вопросы Сергей не стал. Через полчаса он был на КПП и показывал документы дежурному.

– Счастливчик! – протянул тот. – На два дня да с такой кралей! Везет же некоторым.

Сергей чуть ли не бегом выскочил через вертушку проходной, перехватил из Олиных рук тяжелую сумку, одновременно подхватив ее за талию, и потянул за собой подальше от воинской части. Несколько военнослужащих выбежали из здания КПП, чтобы проводить их завистливыми взглядами, а вдоль высокого решетчатого забора повисла большая часть учебного взвода. Всем было очень интересно посмотреть на отбывающего в увольнение сослуживца, а самое главное – увидеть его девушку. Это смахивало на зоопарк. Только здесь его

обитатели с безумным интересом разглядывали всех, кто находился на воле, сквозь металлические прутья ограждения. Они мечтали только об одном, как бы поскорее оказаться там, где сейчас был Сергей. Только они не знали настоящей цены этой свободы и поэтому искренне завидовали ему.

– Сережка, почему так быстро бежим?

– От посторонних глаз подальше.

Когда они удалились на приличное расстояние, он перевел дух.

– Ты как мальчишка! От кого прячешься?

– Все нормально. Это просто мания. Знаешь, как надоело коллективное творчество.

– Понимаю. Ты такой статный и красивый в военной форме. Она тебе идет. Не надумал еще после службы получать военное образование? Представляешь, я иду по улице, а рядом ты – красивый, стройный офицер. На нас все будут смотреть и тут же умирать от зависти.

Она мечтательно прикрыла глаза, а Сергей серьезно и тихо сказал:

– Умирать будет некому. После окончания училища сошлют в такую дыру, что невзлюбишь белый свет. А дремучие безлюдные места съедят весь интеллект без остатка, и останется на досуге пить горькую и сквернословить, поливая свою неудавшуюся жизнь последними словами.

– Сережка, ну ты и паразит. Я мечтала, а ты словно ледяной водой окатил!

– Да ты не обижайся. Просто я уже на офицерскую жизнь насмотрелся. Скажу тебе честно – ничего хорошего в ней не увидел. Поэтому профессиональным военным никогда не буду. Кстати, знаешь, как их у нас называют?

– Нет!

– «Немцами»!

– Почему?

– Потому-что они «немцы»!

– Логичное рассуждение. Кстати, но у меня папа тоже офицер. Или ты уже забыл?

Сергей поперхнулся и только и смог произнести:

– Олечка, извини. Я не хотел...

– Жестокие вы здесь какие-то или мне только кажется. Я уже запуталась, – перебила она его. – Все у вас названо по-другому, словно в стране Шиворот-навыворот, у всех клички, как у животных, и унижают у вас сильные слабых, как в диком первобытном мире. Мне кажется, что ты уже не такой, как раньше.

– Я не такой?! – со стоном воскликнул он.

– Да. Ты ведешь себя... иначе. Я чувствую это. Я тебе не нужна?

Голос ее звучал тихо и нежно. Сергей почувствовал такую боль и горечь, что решил немедленно поменять тему.

– Глупенькая ты моя, конечно, ты мне нужна! Только ты и никто другой, а если тебе показалось, что я веду себя не так, то извини! А знаешь, у меня к тебе предложение! Давай сейчас пойдем на реку, а потом в город. Так хочется искупаться, что даже сил нет!

– Я согласна, с тобой хоть на край света!

Сергей быстро сменил направление и повел Олю на свое излюбленное место на берегу Волги. Добравшись туда, он быстро разделся и нырнул в воду. Она подошла к самому берегу и зачарованно смотрела на темную воду реки. Тревожное предчувствие охватило ее, когда она перевела взгляд на плескающегося в воде Сергея. Она не могла понять причину своего беспокойства и это начало ее раздражать. Когда он вылез мокрый на берег, она улыбнулась ему и выразительно зажмурила глаза. Он прикоснулся к ее горячей щеке холодными губами, отчего ее беспокойство мгновенно улетучилось. Он сказал:

– Я дождался этого момента. Не поверишь, Олечка, ждал бесконечно долго! До сих пор не верится, что ты смогла приехать!

- Да ладно тебе. Ты меня смущаешь! Ой, я же совсем забыла! Ты сегодня кушал?
- Не успел еще!

Она засуетилась, деловито достала из сумки полотенце, расстелила поверх густой травы и начала выгружать на него содержимое сумки.

– Поедим прямо здесь! Я тоже ничего сегодня не ела, а мама с бабушкой положили с собой всяких вкусностей!

Они расположились вокруг импровизированного стола, и Сергей стал с удовольствием пробовать Олины домашние разносолы, которые после солдатской пищи показались ему неземным угощением. Особенно Сергей порадовался, когда она достала литровую банку его любимого малинового компота.

- А здесь красиво! – произнесла Оля.
- Конечно, – подхватил Сергей.

Когда они поели и поболтали, то решили пойти прогуляться по городу.

Город оказался красивым и зеленым. Малоэтажная застройка, свойственная провинциальным городкам центра России, подкупала своей простотой и чистотой. Город растянулся далеко по излучине реки и поэтому казался большим. Его густо укрытые зеленью улицы казались бесконечными из-за постоянных поворотов. Сергей сам впервые гулял по этому городу и поэтому вместе с Олей наслаждался красотой здешних мест. Почти каждый район города множеством памятников и мемориальных досок свидетельствовал о том, что во времена Великой Отечественной войны здесь шли ожесточенные бои. Здесь защищали подступы к Москве. Сергей и Оля почтительно склоняли головы перед этими памятниками, помня о том, что их деда тоже погибли в той войне где-то рядом с такими же городками.

Погода стояла изумительная. Яркое теплое солнце своими лучами словно согревало душу и поднимало настроение. В центральном парке они развлекались на аттракционах гастролирующего там чехословацкого «Луна-парка» и ели мороженое, настоящее Ленинградское эскимо, которое безумно любили жители всей России. Напротив тира Оля остановилась и виновато посмотрела на Сергея. Он ее понял без слов. Завернув туда, он купил свинцовых пулек и подмигнул ей. Главным призом дня был небольшой симпатичный плюшевый медвежонок. Она взяла пневматическую винтовку в руки и шепнула Сергею на ухо:

– Я не буду выигрывать этого медведя, а то это будет выглядеть с моей стороны нечестно.

Вдоволь настрелявшись, она с удовлетворением отложила винтовку, а Сергей, купив еще пулек, сказал:

- А с моей стороны будет не зазорно, если я попытаюсь получить этот приз!

Оля улыбнулась, а хозяин тира, почти беззубый старичок маленького роста, прошепелявил с еле заметным одесским акцентом:

– Молодой человек, вы не первый пытаетесь это сделать! Увы, всех постигла неудача! Даже если вы в военной форме, то это не говорит о том...

Сергей не стал дослушивать его монолог, а сразу сделал три пристрелочных выстрела. Моментально вычислив траекторию пули и по ее полету износ боевой пружины, он произвел один за другим целую череду выстрелов, как раз так, как было нужно, чтоб выиграть приз. Каждый из выстрелов достиг своей цели. Старичок сморщился, но промолчал, мысленно прощаясь с медведем. Оля засмеялась и, обхватив Сергея за шею, поцеловала прямо в губы.

- Ты у меня настоящий снайпер!
- Старичок, кряхтя, снял медведя с полки и передал его в руки Оли.
- Это, должно быть, предназначается вам?
- Да, мне! – ответила она и прижала медведя к лицу.

Они вышли из тира и направились в центральную часть парка, которая примыкала к небольшому озеру. Увидев лодочную станцию, Сергей взял напрокат лодку, усадил в нее Олю и погреб в сторону островков, которые бугрились неподалеку.

– Сережа, откуда у тебя деньги? – спросила обеспокоенная Оля. – Ты все тратишь и тратишь!

– Не переживай, я не украл, никого не убил. Просто использовал обычный метод экономии. Я же не мог встретить свою невесту без копейки в кармане. Это же просто неприлично! Ну и все-таки я же получаю денежное довольствие за службу в рядах вооруженных сил – целых три рубля семьдесят копеек в месяц.

От того, что он снова сказал «невеста», она вся зарделась, засмушалась, но промолчала. Сергей невозмутимо греб, он направлял лодку между островков. После катания они двинулись в кинотеатр. Сеанс закончился, когда на улице уже начало темнеть.

– Куда же я спать пойду? – искренне пожаловалась Оля.

– Не переживай, все будет хорошо!

– Неужели ты и об этом подумал?

– Конечно! Сейчас купим покушать и вперед!

– Ты меня проводишь?

– Куда?

Оля удивленно посмотрела на Сергея и, замявшись, сказала:

– Как куда, до места, где я буду ночевать!

– Вот глупая! Мы же проведем ночь вместе!

– Так тебя и на ночь отпустили?

– Ну конечно! Я же тебе сразу сказал: на два дня! – Вот хорошо! – воскликнула она, радостно хлопая в ладоши. – А то мама переживала, куда я ночью денусь. Говорила, что солдат на ночь никуда не отпускают. А тебя отпустили. Почему?

– Почему-почему! Потому-что я особый солдат, вот меня и отпустили!

– Как это?!

– Да я смеюсь. Просто так получилось.

– Выходит, мне повезло! Что бы ты ни говорил, для меня ты всегда будешь неповторимым и особенным!

Она сильнее прижалась к нему и притихла. В гастрономе они купили продукты и две бутылки марочного вина «Букет Молдавии».

– Зачем ты две бутылки купил? – спросила возмущенная Оля.

– Одну для твоих родителей. Приедешь домой – подаришь. Очень вкусное вино. В Молдавии пробовал. Вторая для нашего ужина. Европейские аристократы без вина кушать не садятся, а чем мы хуже!

Она засмеялась, а он потащил ее в сторону офицерского городка. Дом отдыха для офицерского состава был виден издалека. Его ослепительно-белые стены словно светились в наступающих сумерках. Комната, расположенная на третьем этаже, была шикарная. Большая кровать, душ, туалет, телевизор – все было обустроено и отделано по последнему слову техники. Министерство обороны не жалело денег для своих военнослужащих. Счастливая Оля с величайшим удовольствием приняла душ и следом отправилась намыться Сергея. Пока она колдовала над продуктами, он сам с превеликим удовольствием плескался. Когда он вышел из душевой, Оля в задумчивости стояла над снедью.

– В чем проблема? – спросил он.

– Думаю, как без газовой плиты приготовить что-нибудь вкусное.

– Сегодня приготовлю я, потому что ты моя гостя! Садись к экрану и отдыхай!

Сергей включил телевизор и занялся продуктами. Оля пожала плечами, но у телевизора устроилась с удовольствием. Ей и вправду не очень хотелось заниматься приготовлением

еды. Через полчаса он пригласил ее к сервированному столу. Она удивилась, сколько всего он смог придумать из имеющихся продуктов.

– Как вкусно! – воскликнула она. – Я удивлена, что мужчина так вкусно готовит.

– Старался!

– У нас дома отец по воскресеньям иногда готовит, и у него, кстати, всегда вкуснее, чем то, что обычно делает мама. Позже я нашла объяснение: для хозяйки кухня – рутина, а для мужчины – творчество!

Сергей засмеялся и налил в стаканы вина.

– Изумительно! – восхитилась она и добавила: – Сережа, недалеко от вас в июне произошло крушение теплохода. В прессе и по телевидению было только короткое сообщение. Ты ничего об этом не слышал?

– Конечно, слышал! Мы же иногда дежури́м в прокуратуре и у нас есть доступ в кабинеты к следователям. Они, естественно, об этом не знают, а мы пользуемся случаем и узнаем последние сводки по стране о происшествиях и преступлениях.

– Как интересно!

– Так вот, у Ульяновска с теплоходом «Александр Суворов» произошла страшная катастрофа. В условиях хорошей видимости и погоды он врежется в мост. Вместо того, чтобы пройти третьим судоходным пролетом моста, он направляется в шестой, высота которого ниже его надстроек. По инерции судно двигалось еще несколько десятков метров, срезало себе при этом всю верхнюю палубу. Усугубило положение то, что в момент столкновения по мосту мчался товарный состав. Вагоны опрокинулись, и на теплоход полетели зерно, уголь и бревна. Погибли сто семьдесят шесть человек.

– Ужас!

Они какое-то время молчали, каждый по-своему осмысливал события, о которых только что был разговор. Потом Оля поделилась своими новостями. Сергей слушал ее внимательно, стараясь не перебивать. Чувства овладевали им, когда он слышал ее голос. Она замолчала, а он тихо, но твердо произнес:

– Олечка, любимая, выходи за меня замуж, – и, видя, что она хочет что-то сказать, продолжил. – Подожди, не перебивай меня, я и сам собьюсь. Понимаешь, я без тебя не могу жить. Последнее время ты стала для меня единственным человеком, которым безумно дорожу. Я хочу остаток жизни провести с тобой и ни с кем больше. Ты веришь мне?

– Конечно, верю! Ты тоже стал частью моего сердца! – практически шепотом выдохнула она.

– Олечка, я очень тебя люблю!

– Я тоже! И, конечно, я согласна, но когда и как!? – Это сейчас не важно! Главное то, что ты согласна, а с остальным разберемся после окончания моей службы!

– Я хочу, чтобы у нас было много детей, – с улыбкой на лице тихо произнесла Оля. – Все они будут похожи на тебя.

– И на тебя! Обязательно на тебя! – подхватил Сергей, поднялся, подошел к ней сзади и крепко обнял.

Она схватила его за руки и что есть силы сжала ими свою грудь, после этого провела его рукой по чувствительной зоне на теле, там, где грудь переходит в подмышку, и ощутила нечто особенное. Он почувствовал, что с ней происходит, развернул к себе лицом, нежно поцеловал в губы и, подняв ее на руки, двинулся к кровати. Она не сопротивлялась, стараясь не выдать своего трепетного состояния. Стыдливость рушилась под напором безумно-диких чувств. Раздевал он ее так же нежно, как и целовал. Они не произносили ни слова, но им это было и не нужно, чувства заменяли все. Ее трепетная дрожь передавалась и ему, подменяя настоящие ощущения чем-то небывалым и неповторимым.

Он положил руку на ее плечо. Она вздрогнула от прикосновения. Потом он привлек ее к себе.

– Тебе снилось что-то страшное?

– Снилось? Да, снилось. А ты не спал?

– Не знаю. Кажется, не спал. Мне не хочется спать. А ты спи.

Закрыв глаза, она чувствовала, как равномерно, спокойно бьется его сердце там, где гулко стучит ее.

Он завтракал, не поднимая глаз. Она сидела напротив, опершись локтем на небольшой обеденный столик, положив подбородок на ладонь. Ее волосы были красиво зачесаны, ресницы казались неестественно длинными. Она ничего не ела, а только следила за каждым движением и не могла отвести от него взгляда. Вся душа ее пела и витала в облаках от сделанного ей вчера предложения и чудесной ночи, которую он ей подарил. Еще вчера она хотела серьезно поговорить с ним о событиях, которые произошли с ним до его призыва на службу. Конкретно о его взаимоотношениях с Ритой Ваниной. Но только сейчас она поняла, что все, что ей наговорили злые языки, ерунда. Все это небылицы и наговоры, а он любит ее и только ее, а если что и было, то ей на это наплевать. Эти, казавшиеся ей теперь ненужными, выяснения могли только навредить их отношениям и испортить такое чудесное душевное равновесие. Ее страшила приближающаяся минута расставания, но она молчала, чтобы не расстраивать его. Теперь она полноправно считала его своей половинкой. Их жизнь будет лучше, чем жизнь ее родителей. Она постарается сделать все для этого. Мучило ее неизвестно откуда появившееся предчувствие того, что она видит его в последний раз. Размышляя, она пришла к выводу, что все это плод ее воображения, а эти мысли – предощущение близкой разлуки.

Остаток дня они провели в городе. Обнявшись, бродили по окраинам города, вспоминали школьные времена, мечтали о будущей совместной жизни, словно не предстояло впереди испытание полугодовой разлукой. Несколько раз их останавливал воинский патруль и проверял у Сергея документы.

Пообедали они в городской столовой, посещение которой оставило неприятный осадок на душе. Блюда, приготовленные из несвежих продуктов, и грубое поведение официанток возмутили даже спокойную Олю. Ох, не зря советские люди смотрели на работников торговли, как на классовых врагов, а те платили им тем же. Покинули они столовую, даже не доев заказанное. Уже находясь на железнодорожном вокзале, они купили в привокзальном кафе горячие беляши с чаем и с удовольствием ели их на улице.

Через некоторое время к ним боком, словно невзначай, подошли двое молодых людей, предложили ходовой товар – кроссовки «Адидас». Модель была той, которую выпускал московский завод с прошлого года. Модель, выпускаемая в Москве, была устаревшая, но она была все же лучше той, что выпускали кавказские кустари. Те даже могли написать «Адидас» с ошибкой. Сергей с Олей отказались от предложенного товара – цена была больно уж высока.

В ожидании поезда они спешили насладиться последними минутами встречи. И когда поезд прибыл, они внутренне напрялись, стараясь не показать отчаяния.

– Сереженька, я так не хочу расставаться! – чуть не плача произнесла она и нежно прижалась к его груди.

– Я тоже! – выдохнул он, осознавая, что теперь они не увидятся до конца его службы.

– Ты же вернешься, милый мой? Вернешься ко мне после службы? Обещай!

Он представил себе все то время службы, которое ему еще предстояло. Для него это был огромный период времени. Такой огромный, что захватывало дух. Он только за эти два дня до конца понял, что без нее уже не сможет жить. Без нее это все будет не жизнью, а существованием. За эти полтора года может утечь много воды, и что с ними произойдет он,

как ни старался, просчитать не мог. Оставалось только надеяться и ждать. Терпеливо ждать окончания срока службы. Он понимал, что дни, проведенные с ней, останутся счастливейшим временем и лучшим воспоминанием в его жизни. Ему было грустно, что он не смог полностью выразить свою любовь. Хотелось поблагодарить ее за все, что она смогла ему дать, но он так и не нашел подходящих слов для этого.

– Конечно, вернусь. Скоро вернусь. Не волнуйся, – улыбнулся он и мягко, словно прося прощение, провел пальцами по ее волосам. Она быстро поцеловала его в губы. Он не хотел отпускать ее из своих объятий, но поезд уже тронулся, и он бережно посадил ее на подножку движущегося состава под матерные крики нетрезвого проводника.

5

После отъезда Оли армейские будни продолжились в обычном режиме. Ежедневная учеба чередовалась с трудовыми днями. Курсанты по выходным и длинными вечерами бесконечно что-то разгружали, загружали, таскали и перетаскивали. Безусловно, что после отъезда Оли у него пошло дело с азбукой Морзе. У Сергея буквально открылось второе дыхание. Сержант Фурсунов был удивлен.

– Знаешь, Воронцов, – сказал он. – Встреча с любимой девушкой оказала на тебя благотворное влияние.

– Стараемся, товарищ сержант! – отрапортовал Сергей, внутренне наслаждаясь успехом.

– Почерк у тебя идеальный, скорость передачи уже тянет на третий класс радиотелеграфиста. Экзамены ты сдашь без проблем. Мой тебе совет – изучай коды условных сокращений. Без них в боевой части пропадешь.

– Понятно.

Фурсунов ушел, а к Сергею подбежал Мамочкин. – Что тебе Узбек говорил? – начал вкрадчиво он. – Да ничего интересного! Все пугает, что в боевой части нас замордуют.

– Да! Это верно. Мужики рассказывают, что там такое вытворяют...

– Ты не думай об этом и все будет хорошо.

Сергей не хотел тратить время на пустые разговоры, поэтому отвернулся и направился в сторону спортивного городка. Все свое свободное время он старался посвящать тренировкам. Ребята качали головами и молча крутили пальцами у виска, но его это несколько ни трогало. Он был уверен, что времени у него осталось совсем немного. Иногда казалось, что ничего не произойдет и все его ожидания бессмыслица, но он все равно упрямо продолжал тренироваться – как физически, так и духовно.

Кореец был удивлен его способностям мгновенно соображать и ориентироваться в нестандартных ситуациях. Ни один вечер не проходил впустую. Сергей ему был близок и понятен. Физические упражнения его ученик выполнял отлично, поэтому он сделал упор на духовные тренировки, в которые входили различные уловки и ловушки для противника. Эти тайные знания в их роду передавались по наследству, как бесценные сокровища, – от деда к отцу, от отца к сыну. Теперь он дарил их этому парню. Дарил безвозмездно, всей душой осознавая, что тому они пригодятся больше, и воспользуется он ими по справедливости. Сергей с трепетом принимал этот подарок, выражая благодарность молча. Ким, конечно, понимал и то, что времени у них остается совсем мало, но твердо верил, что у парня все получится.

Наступила яркая солнечная осень, которая не шла ни в какое сравнение с родной осенней ленинградской блеклостью.

Второго сентября авиация Дальневосточного военного округа сбила «Боинг-747» южно-корейских авиалиний, который упал в воды Татарского пролива Японского моря, похоронив в своих водах двести шестьдесят девять пассажиров и членов экипажа. Разгорелся крупнейший международный скандал. Было понятно, что по поводу произошедшего инцидента наши военные неуклюже врут. Войска ПВО были приведены в состояние повышенной боевой готовности, но, несмотря ни на что, учебный взвод, возглавляемый младшим сержантом Чучиным, был откомандирован для оказания помощи подшефному совхозу в уборке картофеля.

Курсантов разместили в старом обветшалом доме на краю небольшой деревни. Две его огромные комнаты были завалены деревянными кроватями. Поговаривали, что в прошлом здесь располагался выездной летний детский дом, но был закрыт из-за несчастного случая. Что здесь произошло, ребятам выяснить не удалось. Дом производил жуткое впечатление,

но прибывшие местные электрики смогли кое-что исправить и хотя бы наладили освещение. Курсанты более или менее привели комнаты в порядок, расставили кровати и выкинули гору мусора. Заведующий совхозным складом, худощавый дедушка, привез постельное белье, которое засверкало ослепительной белизной на заправленных кроватях. Ребята с предвкушением ждали ночи, чтобы впервые после долгого времени поспать в нормальных условиях, на пружинных матрацах.

Сергей вспомнил, что в похожем доме располагалась его начальная школа. Тут были те же мрачные коридоры, те же скрипучие доски на полу и квадрат крышки люка, прикрывающего вход в подвал, куда директриса в наказание помещала нерадивых учеников. Те, обмирая от страха, сидели там до конца урока, прислушивались и присматривались к непроглядной темноте. Ту школу он запомнил на всю жизнь и частенько воспоминал о том, что там было, всплывали в его памяти.

На следующий день начались трудовые будни. Уезжали на работы рано утром, а возвращались поздно вечером, но ребята не унывали. Все это было намного лучше, чем бесконечная казарменная муштра. По вечерам часть курсантов собиралась вокруг кровати Сергея, а он пересказывал им прочитанные ранее книги и просмотренные фильмы. Как оказалось, краткий пересказ у него получался отлично. Он был поражен тем фактом, что многие ребята не знали самых популярных литературных героев. Некоторые из них, проживая в отдаленных районах, даже не видели последних кинофильмов. К тому же оказалось, что бедность народная не знает границ. В стране существовали семьи, не имеющие даже телевизора. Поэтому его талант рассказчика пользовался большой популярностью. Умение выразительными жестами и восклицаниями дополнить рассказ вызывало интерес у уставших после тяжелой работы курсантов. Еще больше их радовало поведение Чучина, который предоставил им самим себе, а сам ежедневно напивался до беспамятства.

Сергей подружился с Витькой Соловьевым. Парень он был веселый, без лишних комплексов, а родом был из Вышнего Волочка. О своем городе он говорил всегда эмоционально, с благоговейным трепетом. Только общаясь с ним, Сергей пересмотрел отношение к родным местам. Он понял, что не важно, где ты живешь, а главное то, как ты относишься к своей родине. Витькина привязанность к родному городу поразила его, потому что сам он всегда с пренебрежением относился к тому, что проживает в сельской местности. Только теперь он почувствовал, что может значить для человека родная земля. За это он был благодарен другу. Они вместе мечтали о том, что после окончания учебки распределятся в одну часть. С освоением специальности у Витьки были затруднения, но Сергей обещал помочь ему. После отбоя они подолгу не спали, рассказывая друг другу истории из своей жизни.

В один из дней про курсантов забыли. Рабочий день по уборке картофеля заканчивался, а еду, которую обычно привозили прямо на совхозное поле, на этот раз не привезли. Не было ни завтрака, ни обеда, не появилась машина и вечером. Ребята взбунтовались, обиделись, бросили работу и толпой отправились в деревню за самогонкой. Сергей и еще несколько человек с ними решили не идти, а завалились спать прямо в траве на окраине леса под развесистым кустом. Рядом валялся пьяный Чучин.

Долго поблаженствовать им не удалось. Разбудили их крики вернувшихся курсантов. Изрядно выпившие, они наперебой возбужденно переговаривались и шумно веселились. Из деревни за ними увязались две пьяные цыганки. Одна из них страшная, да еще с выбитыми передними зубами, поочередно предлагала каждому из курсантов переспать с ней за бутылку самогонки. Сергей еле-еле отогнал ее от себя, словно назойливую муху.

Вадик Хамелеон решил посмеяться над Чучиным. Прикрыв его мятым газетным листом, он громко заорал:

– Будем думать, что здесь наложена огромная московская куча!

Он нарочито сделал ударение на слове «московская», подчеркивая этим презрение к столичным жителям. Москвичей не любили. Их показное высокомерие и манера держаться в стороне от всех сразу бросались в глаза. Ребята его, конечно, поняли, но идею не поддержали, продолжая смеяться только над Чучиным. Вадик как ни в чем не бывало продолжал издевательски шалить. Он горделиво прошагал вокруг Чучина и, подойдя вплотную к цыганке, прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.